Мэрион Бредли

ФМ

Спасатели планеты
Мэрион Зиммер Брэдли

Аннотация
Мэрион Зиммер Брэдли. Спасатели планеты
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8

Аннотация

На Дарковере началась лихорадка, уносящая жизни сотен людей, и лишь для загадочных Следопытов эта болезнь не более чем легкое недомогание. Лорд Хастур просит помощи у землян, взамен предложив неслыханное — обучить технике матрицирования. Собирается экспедиция к Следопытам под руководством доктора Джея Элисона, который находит очень неприятными всех жителей Драковера. Что же ему пришлось сделать для того, чтобы выполнить это задание…

Мэрион Зиммер Брэдли
Спасатели планеты

Глава 1

Когда через некоторое время я окончательно проснулся, мне показалось, что здесь никого нет. Я лежал на кожаном диване в пустой белой комнате с громадными окнами, сделанными наполовину из прозрачного стекла. По ту сторону прозрачных окон были видны заснеженные остроконечные вершины гор, которые превращались в толще стекла в причудливые прозрачные тени.

Пока сознание и память подыскивали названия всему этому — голому помещению, оранжевому сверкающему свету громадного солнца, тусклым горам, я обнаружил сидящего за полированным столом человека; мне никогда не доводилось видеть его раньше. Человек молча наблюдал за мной. Он был уже немолод, круглолиц, с белесыми бровями и жидкими выцветшими волосами, обрамлявшими резко очерченный лоб — розовый, совершенно голый. На нем был белый форменный плащ, по эмблеме на кармане я понял, что он из медицинской службы Гражданской штаб-квартиры Терран Трейд-сити.

Я вполне сознательно оценивал все это. Это уже было в моем сознании, когда я проснулся и пришел в себя настолько, что стал способен воспринимать окружающую реальность. Привычные горы, привычное солнце и странный человек.

В этот момент он обратился ко мне. Вполне по-дружески, так, как если бы это было обычным делом — встретить совершенно незнакомого человека, зашедшего на коктейль.

— Разрешите вас побеспокоить? Скажите, как вас зовут?

Что ж, это было вполне естественно. Если бы я обнаружил у себя дома какого-нибудь типа — если бы у меня был дом — я бы тоже поинтересовался его именем.

Я свесил ноги с дивана, поболтал ими по полу и принял устойчивое положение, придерживаясь одной рукой. Комната в головокружительном круговороте завертелась вокруг меня.

— На вашем месте я не стал бы пока так садиться, — заметил он, пока пол успокаивался, после чего повторил вежливо, но настойчиво: — Так как вас зовут?

— Да, да, имя… Как же его?

Я продирался сквозь наслоения какой-то серой

ваты в мозгу, мучительно пытаясь заставить язык выбирать из всех знакомых звуков те несколько самых близких, которые бы сложились в мое имя. Я разозлился.

— Это черт знает что!

Тяжелый случай. Я сглотнул.

— Успокойтесь, — мягко сказал круглолицый.

Это было куда легче сказать, чем сделать. Я пялил на него глаза, все больше паникуя, и наконец выдавил из себя: — Но… но скажите, у меня что, амнезия или еще что-нибудь?

— Что нибудь еще.

— Как меня зовут?

— Погодите, не все сразу. Я уверен, что вы вспомните все достаточно быстро. А пока, как мне кажется, вы можете ответить на другие вопросы. Сколько вам лет?

Я быстро и нетерпеливо ответил: — Двадцать два.

Круглолицый небрежно что-то чиркнул в карточке.

— Интересно. Вы знаете где вы?

Я обвел взглядом помещение и сказал: — В штаб-квартире Террена. Судя по вашей форме, я бы сказал, что мы в медицинской службе на восьмом уровне.

Он кивнул и опять чиркнул в карточке, поджав губы.

— Можете вы мне сказать, на какой вы планете?

Я рассмеялся.

— На Дарковере, — я фыркнул, — надеюсь! Если хотите, я могу назвать луны или дату образования Трейд-сити, или еще что-нибудь.

Он улыбнулся.

— Вспомните, где вы родились.

— На Саммаре. Я оказался здесь три года назад — мой отец раньше занимался картографией… — я внезапно замолк, потрясенный. — Он умер!

— Скажите, как звали вашего отца?

— Так же ка, к и меня. Джей… Джейсон… - вспышка воспоминаний озарила мой мозг и остановила меня на середине слова. С его стороны это был неплохой ход, хотя он и не вполне сработал. Доктор сказал успокаивающе: Мы совсем неплохо продвинулись.

— Вы что-то от меня скрываете, — проговорил я. — Кто вы? Почему вы задаете эти вопросы?

Он указал на табличку на своем рабочем столе. Я прищурился и с трудом прочитал надпись "Рэндл… Форс… заведующий отделением", и снова курсивом "Доктор Форс".

— Вы доктор Форс, не так ли? — спросил я.

— А вы в этом уверены?

Я оглядел себя и потряс головой.

— Может быть я доктор Форс? — сказал я, решив для начала посмотреть, нет ли на мне белого халата с эмблемой врача. Но ничего похожего я не увидел — я был одет во что-то другое. Да, похоже, я не доктор, тогда кто же я? Слегка отодвинув рукав, я обнаружил длинный шрам треугольной формы у самого запястья. Доктор Форс — теперь я был убежден, что это он — следил за выражением моих глаз.

— Откуда это у вас?

— Поножовщина. С одной из тех банд, знаете ли, что постоянно держат город в напряжении, — память снова подвела, и я в отчаянии простонал: — У меня все спуталось! Что случилось? Почему я оказался здесь? Авария? Амнезия?

— Не думаю. Я объясню позже.

Я встал и нетвердыми шагами направился к окну. Ноги отказывались повиноваться. Для меня было жизненно важно прорваться сквозь опутывающие меня тенета, перешагнуть через этот невидимый барьер.

Подойдя к окну, я стал жадно глотать холодный и сладковатый воздух.

— Я бы чего-нибудь выпил, — сказал я.

— Неплохая идея, хотя я обычно не рекомендую.

Форс вынул из выдвижного ящика плоскую бутылку и налил жидкость чайного цвета в бокал. Спустя минуту он налил еще порцию — для себя.

— Ну поехали, и сядьте, если вам не трудно. Вы действуете мне на нервы, болтаясь по комнате.

Сидеть мне не хотелось. Я широко шагнул к двери и резко распахнул ее. Голос Форса стал низок и нетороплив.

— Что-то случилось? Вы, конечно, можете уйти, если хотите, но, может быть, вам лучше на минуту присесть и сказать мне кое-что? Например, куда вы хотите идти?

От этого вопроса мне сразу сделалось неуютно. Я еще раз глубоко вздохнул и вернулся в комнату.

— Да вы пейте, — сказал Форс, и я влил в себя все, что оставалось в стакане. Он, не спрашивая, налил еще, и я одним глотком отправил выпивку туда же, почувствовав, как твердый комок внутри размякает и рассасывается.

— Так, еще и клаустрофобия. Типичный случай, — сказал доктор Форс и сделал на карточке первую пометку.

Меня все это порядком утомило. Я жутко устал от Форса и его разговоров, но внезапно почувствовал, что мне становится смешно — вероятно, сказывалось действие напитка.

Форс вдруг показался мне немного забавным человечком, запершим самого себя в эти стены и говорящим о клаустрофобии глядя на меня, как на большое насекомое.

Я отставил бокал.

— Не пришло ли время получить некоторые разъяснения?

— Ну если этого вам так хочется, я могу их дать. Как вы чувствуете себя?

— Прекрасно, — я снова сел из диван. — Что вы подмешивали в эту выпивку?

Он самодовольно ухмыльнулся.

— Секрет фирмы. Что же касается объяснений, прежде всего дадим вам посмотреть фильм, который мы сделали вчера.

— Посмотреть? — я сделал паузу. — В конце концов мы теряем время.

Он нажал на кнопку на столе и сказал в микрофон.

— Сарвеленс, дайте нам экран… — Он проговорил ряд непонятных чисел.

Я тем временем, лениво развалясь, отдыхал

на диване.

Форс подождал ответа, после чего коснулся другой кнопки, и стальные жалюзи бесшумно опустились на окна, затемнив их. Темнота как ни странно, подействовала на меня лучше, чем свет. Я откинулся, устраиваясь поудобнее. В то время, как одна из стенок превращалась в огромный экран, я приготовился смотреть, а Форс подошел и сел на кожаный диван рядом со мной. И в то же время на экране Форс сидел за столом и смотрел на человека, незнакомого мне, прогуливающегося по помещению. Так же, как и Форс, незнакомец носил белый халат с эмблемой на рукаве. Я невзлюбил его с первого взгляда. Он был высоким, тощим, что вместе с суровым неподвижным лицом как бы составляло одну тонкую линию. Я подумал, что ему было где-то около сорока.

— Присаживайтесь, доктор, — сказал доктор Форс на экране, и я сделал глубокий вдох, оглушенный странным чувством: Я БЫЛ ЗДЕСЬ ДО ЭТОГО! И ВСЕ ЭТО ВИДЕЛ РАНЬШЕ! Мои чувства были странно перепутаны. Я сидел и смотрел, и в то же время знал, что так уже было. Но это было, как во сне, когда спящий сразу и смотрит его и присутствует в нем.

— Присаживайтесь, доктор, — сказал Форс. — Вы принесли рапорты?

Джей Элисон осторожно взял предложенный стул и нервно присел на его краешек. Он сел очень прямо и только слегка наклонился вперед, чтобы передать толстую подшивку бумаг через стол. Форс принял ее, но открывать не стал.

— Итак, ваши соображения, доктор Элисон?

— Здесь нет места сомнениям.

Джей Элисон говорил высоким голосом, тон его был настойчив.

— Это соответствует статистическим моделям для всех зафиксированных проявлений 48-летней лихорадки. Кстати, сэр, почему нам не подобрать название получше для такого специфического заболевания? Термин "48-летняя лихорадка" означает лишь лихорадку продолжительностью в 48 лет, вернее, пандемию, возвращающуюся каждые 48 лет.

— Лихорадка, которая была 48 лет назад, тоже была «лишь» лихорадкой, сказал Форс со зловещей улыбкой. — И, несмотря на это, все, что мы о ней знаем — это только название. Можете называть ее сами, как вам угодно. Как вам, например, болезнь Элисона?

Джей Элисон приветствовал эту выходку хму-

рым взглядом.

— Насколько я понял, цикл болезни как-то связан с повторяющимися каждые сорок восемь лет совпадениями четырех лун. Кстати, это объясняет, почему дарковерцы так суеверны. Луны имеют необыкновенно эксцентричные орбиты, — я не силен по этой части, я цитирую доктора Мура. Если же инфекцию переносят животные, мы никогда не узнаем этого. Судя по средне-статистическим моделям, похоже на то. Сначала было несколько случаев в горных районах, а уже через месяц — больше сотни случаев примерно в той же части планеты. Потом ровно три месяца количество случаев не увеличивалось. Следующий подъем оценивается числом только зарегистрированных случаев — в несколько тысяч, а еще три месяца спустя он достиг размеров настоящей эпидемии, выкашивающей все. население Дарковера.

— Да, все так, — согласился Форс. Они оба склонились над папкой. Джей Элисон слегка отодвинулся, избегая соприкосновения с собеседником. Спустя некоторое время, Форс сказал:
— Мы имеем торговое представительство на Дарковере уже 152 года. Первая вспышка этой болезни убила более трехсот человек. Дарковерцы

находились в более затруднительном положении, чем мы. Последняя вспышка, насколько я знаю, была менее жестокой, но все же достаточно тяжелой. Она дала восемьдесят семь процентов смертных случаев для людей, конечно. Как я понимаю, Следопыты от этого не умирают?

— Дарковерцы называют эту болезнь лихорадкой Следопытов, доктор Форс. Следопыты фактически не восприимчивы к ней. Болезнь существует среди них и, как легкое недомогание, передается детям. И когда каждые сорок восемь лет она вспыхивает в опасной форме, большинство Следопытов уже имеют иммунитет. Может, вы слышали, я тоже перенес эту болезнь еще ребенком.

— Вы, может быть, единственный терранец из всех когда-либо заключавших контракт, кто заболел и выжил.

— Следопыты — переносчики болезни, — сказал Элисон. — Я думаю, логичнее всего было бы сбросить парочку водородных бомб на города Следопытов и уничтожить их напрочь для всеобщего блага.

Сидя в темном помещении, я почувствовал, как все мои мышцы окаменели от ярости. Форс тихонько сжал мое плечо и шепнул: "Ну-ну, полегче,

парень!" Доктор Форс на экране раздраженно взглянул на Элисона и тот с неприязнью сказал:

— Я не имею в виду буквально это. Но ведь Следопыты — негуманоиды. Это не будет геноцидом, просто работа по искоренению, мера для поддержания общественного здоровья.

Форс был явно шокирован и, казалось, точно знал, что этот молодой человек подразумевал именно то, что сказал.

Он ответил:

— В Галактическом Центре склонны определять дарковерцев как людей, и, честное слово, Джей, ведь вы, вероятно, будете ссылаться на то, что это просто защита! Как же вы можете вообще говорить, что они негуманоиды, после того, как пользовались их гостеприимством? Так или иначе, за время, пока их статус не будет окончательно установлен, половина уже признанных гуманоидов на Дарковере может умереть. Нужно придумать решение получше.

Он отодвинул стул и выглянул в окно.

— Я не буду особенно вдаваться в политические аспекты ситуации, сказал он. — Вы интересовались терранской имперской политикой, да и я не знаток ее; но даже если бы вы были слепы, глухи и немы, вы не могли бы не знать, что на Дарковер

делают большие ставки. Дарковерцы больше нас продвинулись в некоторых причинных науках, но до настоящего времени они не знают, что Терра может предложить взамен. Однако, и это уже очень много, они знают и вынуждены согласиться, что наша медицина лучше, чем у них.

— У них ее практически не существуете. — Верно, и это может быть первой причиной в барьере между нами. Вы вряд ли представляете себе значение этого, но посол получил предложение от самих Хастуров.

Джей Элисон проворчал: — Я что, обязан удивиться?

— На Дарковере, черт возьми, можно удивиться, если Хастуры чем-нибудь вдруг заинтересовались.

— Я понимаю, они телепаты или что-то в этом роде.

— Телепаты, психокинетики, парапсихологи, а может быть, и еще что-нибудь. Так вот, один из Хастуров, согласен, что довольно молодой и не очень важный — внук старшего из них — пришел в покои посла лично, понимаете? Он сделал предложение, если терранская медицина поможет Дарковеру справиться с лихорадкой Следопытов, они, в свою очередь, обучат отобранных терран-

цев технике матрицирования.

— Вот-это да! — прошептал Джей. Эта уступка превзошла самые необузданные мечты терранцев. Вот уже сотни лет они пытались выпросить, купить или украсть хоть какие-нибудь крупицы таинственной науки, изучающей технику матрицирования. Это была та диковинная наука, при помощи которой можно было превратить материю в чистую энергию и наоборот без промежуточных стадий и без деления атомного ядра в конце процесса. Техника матрицирования сделала дарковерцев равнодушными к соблазнам терранской передовой технологии. Джей добавил: — Мне кажется, что дарковсрская наука сверхценна. Кроме того, я вижу и пропагандистскую сторону этого.

— Не говоря уже о гуманности самого лечения.

Джей Элисон равнодушно пожал плечами.

— Пока реальная точка зрения на это такова — сумеем ли мы лечить сорокавосьмилетнюю лихорадку?

— Пока нет. Но мы будем первыми. Во время последней эпидемии один ученый с Терры открыл в крови Следопытов особую фракцию, содержащую антитела, противодействующие лихорадке. Отделенная от сыворотки, она сильно понижает

опасность эпидемической формы, превращая ее в более легкую. Досадно, что сам он умер во время эпидемии, так и не завершив своей работы, а его дневники не обнаружены до сих пор. У нас на Дарковере сейчас 18000 мужчин, да еще их семьи. Джей, скажу откровенно, если мы потеряем слишком многих из них, то нам придется покинуть Дарковер — большое начальство на Терре еще может списать потерю гарнизона вольных торговцев, но всю колонию Трейд-сити… И это еще не говоря о престиже, который мы потеряем, если наша хваленая медицина не сможет спасти Дарковер от эпидемии. У нас есть ровно пять месяцев. Нам не успеть синтезировать сыворотку за такой короткий срок. И мы вынуждены обратиться к Следопытам. Вот почему я вызвал вас сюда. Вы о них знаете больше, чем все жители Терры. Вы должны помочь! Вы провели восемь лет в Гнезде.

Внезапно я сел, выпрямившись, озаренный вспышкой памяти. Джей Элисон, как я полагал, был на несколько лет старше меня, но у нас было кое-что общее. Эта холодная рыба в образе человека делила со мной то переживание чудесных лет, проведенных в чуждом мире.

Джей Элисон нахмурился, недовольный.

— Это было давно. Я был тогда ребенком. Мой отец разбился в экспедиции над Геллерами — одному богу известно, что его дернуло решиться на такой легкомысленный шаг. При этих противных встречных ветрах… Я пережил падение только благодаря счастливой случайности и жил со Следопытами, как я уже рассказывал, до тринадцати или четырнадцати лет. Я уже почти ничего не помню, дети не особенно наблюдательны.

Форс наклонился над столом, пристально глядя Элисону в глаза.

— Вы ведь говорите на их языке, не так ли?

— Я когда-то знал его, полагаю, что смогу вспомнить под гипнозом. Но зачем? Вы хотите, чтобы я что-нибудь перевел?

— Не совсем. Мы хотим отправить вас в экспедицию к Следопытам.

Сидя в темноте и глядя на испуганное лицо Джея, я думал: Боже, какое приключение! Неужели они предложат мне пойти с ним?

Форс немного помолчал.

— Это будет трудный путь. Вы знаете, что из себя представляют Геллеры. Все же вы сумеете покорить горы, ведь это было вашим увлечением до того, как вы пришли в медицину.

— Я перерос детские увлечения много лет на-

зад, сэр, — натянуто сказал Джей.

— Мы предоставим вам лучших проводников, каких только сможем, терранцев или дарковерцев. Но все они не смогут сделать того, что сможете вы. Вы знаете Следопытов, Джей. Вы отлично сумеете убедить их сделать то, чего они никогда прежде не делали.

— Что же это? — подозрительно спросил Элисон.

— Покинуть горы. Приведите нам добровольцев-доноров, и мы сможем, если наберем достаточно крови, выделить нужную фракцию и синтезировать ее, вовремя предотвратив тем самым эпидемию. Эта миссия трудна и опасна, как адово пламя, но кто-то должен ее выполнить и боюсь, вы — единственный подходящий человек.

— Мне кажется, мое первое предложение лучше. Бомбу на Следопытов, бомбу на Геллеры, а то и сразу на всю планету.

Черты лица Джея исказила ненависть, которую, спустя минуту, он взял по контроль, после чего продолжил: — Я… я не хотел бы этого. В принципе, я вижу, что это нужно только… — он замолчал и сглотнул.

— Прошу вас, продолжайте. Что вы хотели сказать?

— Не знаю, так ли хорошо я подхожу, как вы думаете. Нет, не прерывайте. Видите ли, я нахожу туземцев Дарковера неприятными, даже гуманоидов. Что же касается Следопытов…

Это окончательно вывело меня из себя. Я не мог больше терпеть и прошипел Форсу: "Остановите этот проклятый фильм! Вы не представляете себе, как выставляете себя на посмешище, давая ему такое поручение. Я бы лучше…" Форс огрызнулся: "Заткнитесь и слушайте!" Я заткнулся.

Джей Элисон молчал, он был возмущен. Форс не дал ему возможности до конца объяснить, почему он отказался даже преподавать в медицинском колледже для дарковерцев, основанном терранской империей. Он оборвал его и раздраженно произнес: — Мы знаем все это. Но вам, Джей, вероятно, никогда не приходило в голову, что это может составлять для нас определенное неудобство — знания, которые нам жизненно необходимы, будут лежать без движения, пока, чисто случайно, не попадут в руки какого-нибудь человека, который должен еще оказаться настолько любопытным, что использует их.

Элисон даже не шевельнул ресницами, хотя на его месте я уже давно бы скорчился.

— Я отдаю себе полный отчет, доктор.

Форс глубоко вздохнул.

— Вполне могу допустить, что сейчас, в данную минуту, вы не подходите, Джей. Но скажите, вы знаете что-нибудь о психодинамике?

— К сожалению, немного, — в голосе Элисона явно не было сожаления. Он прозвучал так, будто ему до смерти надоел этот разговор.

— Могу я сказать прямо, может быть, даже задев вас?

— Извольте, я не очень-то обидчив.

— По-существу, доктор Элисон, человек настолько может сдерживать в себе приобретенные желания, комплексы, насколько ясно он сам представляет свою «второстепенную» личность. В невротических индивидуальностях этот комплекс, совокупность личных характерных черт, иногда дробится, и мы получаем синдром, известный как "многократная или чередующаяся личность".

— Я изучал несколько классических случаев. Это не там была женщина с четырьмя личностями?

— Именно. Однако, вы не невротик, и поэтому обычным путем у вашей подавленной личности не будет ни малейшего шанса взять над вами верх.

— Спасибо, — сказал Джей с сарказмом. — Как бы мне теперь из-за этого и вовсе не потерять сон.

— Тем не менее, как я полагаю, вы обладаете такой "второстепенной личностью", хотя это и не бросается в глаза. Этот второстепенный — скажем, тоже Джей — объединяет в себе все ваши черты, которые вы стараетесь подавить. Он общителен, где вы застенчивы и ненатуральны, безрассудно смел, где вы осторожны, словоохотлив в то время, когда вы неразговорчивы; он, может быть, получает удовольствие от активных действий ради самих этих действий, в то время, как вы честно упражнялись в гимназии только для собственного здоровья. И он даже может вспоминать Следопытов не с антипатией, а с благодарностью.

— Короче — сочетание всех нежелательных черт характера?

— Это смотря с какой стороны посмотреть. Естественно, он будет представлять собой все черты характера собранные вместе, которые вы, Джей, считаете нежелательными. Но если его каким-то образом освободить, он может быть полезным для нашей работы.

— Но откуда вы будете знать, такой я или иной

в настоящий момент?

— Я не знаю, но это интересный вопрос. Видите ли, более закомплексованные… — Форс закашлялся и поправился, — более высоко организованные личности обладают такой сдержанной "второстепенной личностью". Вот скажите, не чувствуете ли вы время от времени себя способным сделать что-нибудь такое, что совершенно для вас нехарактерно?

Видя, чего стоит ему это признание, я чуть ли не посочувствовал Элисону.

— Ну-у… да. Например на днях, несмотря на то, что я одеваюсь всегда скромно, — он мельком взглянул на свой форменный халат, — я вдруг почувствовал желание купить… — он снова замолчал, его лицо стало приобретать неприятный землисто-красный цвет, и он, наконец, пробормотал, ярко-красную, такую цветную, спортивную рубашку.

Сидя в темноте, я испытывал невольное сострадание к этому жалкому остолопу, теряющему душевное равновесие и стыдящемуся даже обыкновенного человеческого желания, каким-то чудом появившегося у него.

На экране Элисон свирепо хмурил брови.

— Безумное желание.

— Но тем не менее, оно было. Ну так как, Элисон? Вы может быть, единственный терранец на Дарковере, вообще единственный человек, который может дойти до Гнезда и не погибнуть.

— Сэр, как гражданин Империи, я не имею альтернативы, не правда ли?

— Джей, смотрите сами, — сказал Форс, и я почувствоваю, как он старается перешагнуть через барьер непонимания и найти контакт с душой этого холодного сдержанного молодого человека. — Мы не можем никому приказать делать что-нибудь похожее на это. За исключением обычных опасностей существует еще одна опасность — разрушение вашего личного равновесия и, может быть — навсегда? Я прошу вашего добровольного согласия на то, что превосходит понятие долга. Как человек человека. Ваше слово?

Я замер, ожидая ответа. Джей Элисон смотрел в окно, и я увидел, что он с силой сжал сплетенные длинные руки так, что хрустнули суставы пальцев. Он сделал странный жест и, наконец, сказал:

— У меня нет выбора, нет другого пути, доктор, Я попытаю удачи, я пойду к Следопытам.

Глава 2

Экран потемнел, и Форс включил свет.

— Ну? — спросил он.

Я ответил, постаравшись воспроизвести ту же интонацию в голосе: Ну? — и почувствовал, что начинаю злиться, так как обнаружил, что сплетаю пальцы точь-в-точь как Элисон — в нервном жесте мучительной решимости. Я резко разнял руки и поднялся.

— Я полагаю, вы не очень-то доверяете этой холодной рыбе, и решили обратиться вместо него ко мне. Я могу пойти к Следопытам. Но с этим ублюдком Элисоном с этим пугалом, я бы вообще никуда не пошел, и, кстати, я говорю на языке Следопытов, и даже без всякого гипноза.

Форс изумленно уставился на меня.

— Так вы все-таки вспомнили?

— Черт побери, конечно, — сказал я. — Когда мой папа разбился в Геллерах, отряд Следопытов нашел меня, полумертвого, и я жил с ними, пока мне не стукнуло пятнадцать. Тогда их старейшина решил, что я слишком уж человек для них, и они вывели меня через ущелье Чертовой

Лестницы — они решили, что мое место здесь. Да, несомненно, все это возвращается. Я провел пять лет в приюте для сирот космонавтов, прежде чем стал проводником водил туристов с Терры на охоту и так далее. Я любил бывать возле гор, я. я остановился. Форс в упор глядел на меня.

— Может быть присядете на минуту и просто помолчите? — я неохотно сел. — Как вы думаете, вам подойдет эта работа?

— Она будет трудна, — сказал я, подумав. — Люди Неба — так называют себя сами Следопыты — не любят посторонних, но их можно уговорить. Самое трудное — это добраться туда. На самолете или вертолете не перебраться через Геллеры — помешают жестокие ветры, а земля Следопытов — внутри. Мы пойдем пешком всю дорогу, начиная с Картона. Мне нужны будут профессиональные альпинисты горцы.

— Тогда вы не будете возражать против Элисона?

— Черт, перестаньте оскорблять меня! — я обнаружил, что снова на ногах и беспокойно меряю шагами помещение.

Форс только взглянул и подумал вслух.

— Что же такое личность, в самом деле? Маска чувств, налагающаяся на тело и интеллект. Пе-

ременилась точка зрения, изменились эмоции и желания, и даже с тем же самым телом и тем же самым прошлым жизненным опытом, вы стали новым человеком.

Я развернулся на каблуках. Первое ужасное подозрение, такое же нелепое, как и предыдущее, овладело мной.

Форс коснулся кнопки, и на экране появилось неподвижное лицо Джея Элисона.

Форс вложил в мою руку зеркало и сказал: — Джей Элисон, посмотрите на себя!

Я взглянул.

— Нет! — вырвалось у меня, и снова — Нет! Нет!

Форе не спорил. Он указал на экран похожим на обрубок пальцем.

— Посмотрите, — он сопровождал свои слова движением пальца. — Высокий лоб, конфигурация скул. Ваши брови и рот выглядят не так, потому что выражение лица несколько отличается. Но костная структура — нос, подбородок…

Я издал горлом страшный звук и швырнул зеркало на пол. Форс схватил меня за плечо.

— Успокойся, парень!

Я совладел с голосом. Он звучал совсем не так, как у Элисона.

— Выходит, я — Джей? Джей Элисон с амнезией?

— Не совсем, — Форс вытер лоб белоснежным рукавом, и тот стал влажным от пота. — Боже, нет, вы совсем не тот Джей Элисон, каким я его знал, — он глубоко вздохнул. — И вообще, сядьте. Кто бы вы ни были, сядьте.

Я сел, ОСТОРОЖНО, неуверенно.

— А человек, по имени Джей, может быть. Учитывая, конечно, различные свойственные определенному темпераменту отклонения. Я бы сказал так: человек по имени Джей Элисон только начинает «быть». До этого он просто отказывался «быть». В пределах своего подсознания он понастроил барьеров против целой кучи воспоминаний, и порог, действующий на подсознание…

— Док, я не силен в терминологии…

Форс изучающе взглянул на меня.

— Вы вспомнили язык Следопытов. Я думаю, что личность Элисона подавлялась в вас, таким образом ваша — была в нем.

— Одну минуту, док, я ничего не знаю ни о фракциях крови, ни об эпидемиях. Моя половина не изучала медицину, — я поднял зеркало и стал задумчиво рассматривать свое лицо. Впалые ще-

ки, высокий лоб, сурово нахмуренный; темные волосы, которые Джей Элисон гладко зачесывал вниз, сейчас были сильно взъерошены. Я не мог спокойно думать, что вижу что-то похожее на доктора. В наших голосах не было ничего общего. Его голос был более, чем высок.

Мой же, насколько я мог судить, был на целую октаву ниже и более звучен. Тем не менее, оба голоса исходили от одних голосовых связок, если только все, что рассказал Форс, не было грубой и мрачной шуткой.

— Я что, действительно занимаюсь медициной? В ряду вещей, о которых я когда-либо думал, медицина всегда занимала последнее место. Я понимаю, это настоящая профессия, но, по-моему, я никогда не. обладал достаточным интеллектом для нее.

— Вы, или вернее, Джей Элисон — специалист по дарковерской паразитологии и; вдобавок, очень толковый и знающий хирург.

Форс сидел, подперев подбородок руками и внимательно меня разглядывал. Он нахмурился и сказал: — Пожалуй, физические изменения удивили вас куда больше всего остального. Я не узнаю вас.

— Вы это мне говорите! Я сам себя не узнаю, — и

добавил, — странное дело, я даже не похож на Джея Элисона, мягко говоря. Если он — это я, тогда я не могу говорить «он», нужно — «я».

— Почему бы и нет? Вы не более Джей Элисон, чем я. Для начала вы моложе. Лет на десять. Я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из его друзей — если только у него были друзья — узнает вас. Вы… для вас просто нелепо отзываться на имя Джей. Как мне вас называть?

— Меня это не особенно волнует. Зовите меня Джейсон.

— Годится, — сказал Форс загадочно. — Тогда смотрите, Джейсон. Я бы хотел дать вам несколько дней на ознакомление со своей новой личностью, но время действительно поджимает. Можете ли вы лететь в Карфон сегодня вечером? Я подобрал команду и отдаю ее под ваше руководство. Встретитесь с ними на месте.

Я взглянул на него и внезапно почувствовал, что комната давит на меня, и услышал его дыхание. Я удивленно спросил: — Вы были заранее во всем уверены?

Форс взглянул на меня и очень долго, как мне показалось, не отрывал взгляда. Потом он сказал странно изменившимся голосом:

— Нет. Я ни в чем не был уверен. Но если бы

вы не появились, и я не смог бы поговорить с Джеем внутри вас, мне пришлось бы попытаться сделать это самому.

Джейсон Элисон-младший был внесен в директивный справочник Терранской штаб-квартиры: "Номер-люкс 1214, коридор Медицинской резиденции".

Номер-люкс: спальня, миниатюрная гостиница, компактная ванная — все это подавляло меня. Человек, владевший всем этим, должен был являть собой закомплексованную безликость. Я беспокойно бродил по своим апартаментам, пытаясь почувствовать что-то, показывающее, что это я жил здесь все последние двенадцать лет.

Джею Элисону было 34 года. Свой возраст я оценивал, вне всякого сомнения, в 22 года. В памяти не было очевидных провалов. Стало быть, с того момента, когда Джей Элисон говорил о Следопытах, мои годы стремительно понеслись назад и остановились на вчерашнем ужине (только выходит, что ужинал я в этот раз двенадцать лет назад).

Я помнил отца — морщинистого молчаливого человека.

Он любил часто летать, а потом привозил фотографии, сделанные с его самолета — для-состав-

ления карт требовалось дотошное исследование земли. Ему нравилось брать меня с собой, и я летал, фактически, над каждым дюймом планеты.

Никто, кроме него, не отваживался даже пролететь над Геллерами, за исключением большого коммерческого корабля, который держался на безопасной высоте. Я смутно помню падение и странные руки, вытаскивающие меня из-под обломков, и недели, когда я лежал разбитый, в бреду. Тогда за мной заботливо ухаживала одна из женщин Следопытов — красноглазая, вечно щебечущая…

Всего я провел в Гнезде восемь лет. Это Гнездо вовсе не было гнездом в обычном понимании этого слова. Это был огромный раскинувшийся город, построенный на ветвях чудовищных деревьев. С маленькими и хрупкими гуманоидами, товарищами детских игр, я собирал орехи и почки, ловил в силки маленьких древесных зверьков, которых они употребляли в пищу. Следопыты давали мне одежду, сплетенную из волокон паразитирующих растений, вырастающих из стволов могучих деревьев, и за все восемь лет я ступал ногой по земле меньше, чем дюжину раз, даже если учесть, что я иной раз совершал довольно далекие путешествия по «дорогам» на

деревьях выше уровня леса.

Потом Старейшина, скрепя сердце, решил, что я все-таки чужд им, и мои приемные родители и братья взяли на себя трудную и опасную задачу — помочь мне перебраться через Геллеры. Они же устроили так, что я попал в Трейд-сити.

После двух лет физически мучительной упорной работы по перестройке разума на дневной образ жизни — Следопыты своими «совиными» глазами лучше видели при лунном свете, и вся их жизнь протекает ночью — я устроил себе убежище и обосновался там. Но все последующие годы (после, как я мог предполагать, Джей Элисон вычеркнул все это из основной картины памяти, общей для нас обоих) исчезали в темных глубинах подсознания.

Книжная полка была до отказа забита микропленками. Я огляделся, и у меня появилось странное ощущение, будто я тревожно вслушиваюсь, не раздадутся ли сейчас мерные шаги и пронзительный голос Джея Элисона, и не спросит ли он меня, какого черта мне нужно в его апартаментах?

Бегло осмотрев полку, я взял наугад одну из книг и начал ее читать что-то о технике сращивания переломов — когда вдруг сообразил, что

понимаю ровно три слова в параграфе. Я подпер лоб кулаками и стал вслух произносить слова, пытаясь наполнить их каким-то смыслом: "Рваная рана… Первичное излияние… сыворотка и лимфо… тампоны" Я исходил из предположений, что эти слова все же имели какое-то значение, и «тот» я знал, какие именно. Но даже мое медицинское образование, если оно у меня было, не помогло вспомнить мне ни слова. Что «излом», что «перелом» — все это звучало для меня совершенно одинаково.

Внезапно обозлившись, я схватил белый халат и надел его поверх рубашки. Малиновый кусочек ткани, который выглядывал из-под халата, был похож на экзотическую птицу, попавшую в страну снега. Я пришел в себя и вернулся к осмотру выдвижного ящика стола. Небрежно толкнув его, в отделении для бумаг я наткнулся на микрофильм, и когда чисто механически окинул его взглядом, то понял, что эту книгу — пособие по альпинизму покупал еще подростком, и, как ни странно, запомнил это. Мои последние изрядно затянувшиеся подозрения, рассеялись. Несомненно, я покупал ее до того, как личности так резко разошлись, образовав Джейсона из Джея. Я начинал верить в то, что произошло, хотя внутренне

не мог согласиться с этим. Только верил, что это как-то случилось. Было видно, что книгу часто листали, и от этого она выглядела настолько захватанной, что можно было подумать, я читал ее, будучи совсем малышом.

Под аккуратно сложенной пачкой чистого белья я обнаружил наполовину опустошенную плоскую бутылку виски.

Вспомнив слова Форса о том, что он никогда не видел Элисона пьющим, я внезапно подумал: «Бедняга». Быстро разделавшись с виски, я. сел, лениво полистывая пособие по альпинизму. Как я полагал, мои половины разминулись так значительно после того, как я окончил школу медицины.

Причем настолько сильно, что, должно быть, проходили дни, недели, а то к годы, пока Джей Элисон держал меня в заточении. Я попытался сообразить, какое сегодня число, затем взглянул на календарь и получил такой шок, что быстро повернул его лицевой стороной вниз. Мне подумалось, что сейчас не лишне было бы чего-нибудь хлебнуть.

Я сомневался, что подобные воспоминания первых десяти лет моей жизни и начала этого десятка были те же, что и у Джея Элисона. По-мо-

ему, люди забывают и вспоминают выборочно. Неделя за неделей, а позже — год за годом доминирующая личность Джея вытесняла меня. Так что молодой хулиган, более чем наполовину дарковерец, любящий горы, почти бездомный в негуманоидном мире, утонул в чопорном аскетическом типе молодого человека, студента-медика, который всего себя отдавал работе. Почему ему было уже за тридцать, а мне всего двадцать два?

Внезапно раздавшийся звонок разбил тишину. Я поискал интерком на стене спальни.

— Кто это? — спросил я, и чей-то неизвестный голос спросил в свою очередь: — Доктор Элисон?

— Здесь таких нет, — сказал я чисто автоматически и встал, чтобы положить микрофон назад. Вдруг до меня дошло, я остановился и, сглотнув, спросил: — Это вы, доктор Форс?

Это был он и облегченно вздохнул. Мне совсем не хотелось думать о том, что я скажу, если кто-нибудь поинтересуется, почему я отвечаю вместо него по личному телефону.

Когда Форс дал отбой, я подошел к зеркалу и окинул себя взглядом, пытаясь увидеть в своем лице резкие черты этого незнакомца — доктора Элисона. Пока я так стоял, привычка к походной жизни сделала свое дело — я уже прикидывал,

что из вещей я должен взять с собой в горы, и даже уловил какую-то мысль о теплых носках и продувающих насквозь ветрах. Лицо, смотревшее на меня из зеркала, было молодым, без морщин, и чуть веснушчатым — то же лицо, что и всегда, за исключением обычного загара. Джей Элисон! Должно быть, держат меня за закрытыми дверями слишком долго.

Внезапно я легонько стукнул по поверхности зеркала.

— Ну, и черт с вами, доктор Элисон, — сказал я и пошел смотреть, где он хранил свои вещи. Очень скоро они могли мне пригодиться.

Глава 3

Доктор Форс ждал меня в маленьком аэропорту, на крыше, рядом с небольшим вертолетом, одной из тех машин, что в незапамятные времена были переданы медицинской службе еще тогда, когда они были признаны последним словом техники.

Форс бросил настороженный взгляд на мою малиновую рубашку, но все, что он сказал, было:

— Хэлло, Джейсон. Я хотел бы кое-что обговорить заранее. Как сказать вашей команде, кто вы в действительности?

— Я не Джей Элисон, — я тряхнул головой. — Мне нет нужды ни в его имени, ни в его репутации. Правда, если среди них есть люди, знавшие Элисона в лицо…

— Есть кое-кто, но я не думаю, что они вас узнают.

— Скажите им, что я его двоюродный брат, — сказал я без тени юмора.

— Вряд ли это необходимо. Вы не настолько похожи.

Форс поднял голову и кивнул человеку, что-то делавшему рядом с вертолетом.

— Сейчас увидите, что я имею в виду, — сказал он, вздохнув, и мы двинулись навстречу этому человеку.

На нем была форма Космофлота — черная кожа с радугой звезд на рукаве. В нем за милю можно было узнать бывалого парня. Судя по разноцветным звездам, ему доводилось нести службу на дюжине различных планет. Ему было чуть больше пятидесяти, лицо покрывали шрамы. Он был огромен и, вероятно, очень силен. Губы на обветренном лице походили на узкую щелку.

Мне сразу понравился его взгляд. Мы пожали друг другу руки, и Форс сказал: — Это наш человек, Хендрикс, его зовут Джексон. Он эксперт по Следопытам. Джейсон, это Бак Хендрикс.

— Рад познакомиться, Джейсон. — Мне показалось, что Хендрикс смотрел на меня чуть больше, чем в этом была необходимость. — Вертолет готов. Влезайте, док, вам ведь до Карфона, не так ли?

Мы застегнули ветрозащитные куртки, и вертолет-бесшумно поднялся ввысь, в небо.

Я сел рядом с Форсом, посмотрел вниз сквозь бледно-сиреневые облака на рисунок поверхности Дарковера подо мной.

Херндрикс как-то странно смотрел на меня. Что

его укусило?

— Он знает Джея Элисона уже восемь лет, — сказал Форс. — И он все еще не узнал вас.

К моей радости, он не стал развивать эту тему дальше, и больше мы не говорили об этом.

Так мы летели под тихое жужжание лопастей, оставляя за спиной заселенные участки, что лежали рядом с Трейдхити, который мы, собственно, называем Дарковером.

Форс, рассказывая мне о лихорадке Следопытов, подкинул кое-какую идею насчет кровяной фракции, и я понимал, почему необходимо склонить пятьдесят-шестьдесят гуманоидов отправиться со мной и дать кровь.

А вообще-то это будет просто неслыханно, — я имею в виду, — если я сумею довести это дело до конца. Большинство Следопытов за всю свою жизнь ни разу не касались земли.

За исключением тех случаев, когда они переходили перевалы снегов. Среди них не найдется и дюжины, включая и моих приемных родителей, и тех, кто помог мне тогда, давно, проделать этот мучительный путь на ту сторону Чертовой Лестницы, кто бы вообще пересекал кольцо гор, отрезающих их от всего остального на планете. Люди иногда проникали внутрь нижним лесом

в поисках Следопытов, но этот интерес был односторонним. Следопыты никогда не искали встреч с людьми.

Мы говорили также и о некоторых из этих людей, перешедших горы в страну Следопытов. Кстати, кто-то из тех, кто пытался перелететь через горы в чем-либо поменьше и помедленнее космического корабля, нечестиво окрестил эти горы Хеллерами.

— Что за команду вы мне подобрали? Они с Терры?

Форс тряхнул головой.

— Это было бы просто убийством посылать только терранцев в Хеллеры. Вы не знаете, как Следопыты чувствуют чужаков, попадающих в их страну.

Я знал.

Форс продолжал.

— Только некоторые. С вами будут двое.

— Они знают Джея Элисона? — Я не хотел быть обремененным кем-либо, кто бы узнал меня или стал ждать, что я поведу себя так, как и мой уже полузабытый собрат по телу.

— Хендрикс знает все, — сказал Форс. — Но буду с вами предельно откровенен. Я никогда не знал Элисона, разве что по работе. Но за последние

два дня в ходе гипнотического сеанса всплыли такие вещи, которые он никогда бы я в мыслях не решился поведать мне или кому-нибудь еще, будь в своем уме. Но здесь я связан профессиональной тайной — даже для вас. Поэтому из знавших вас людей я послал только Хендрикса, и, учтите, шанс, что он узнает вас, есть. Это не Карфон там внизу?

Карфон лежат уютно прижавшись к отдаленным предгорьям Хеллеров. Приземистые горы казались обожженными до черноты и покрытыми пылью пятитысячелетней давности.

Мы приземлились рядом с городом, пролетев мимо кучи ребятишек. Близко от Хеллеров в воздухе скользили несколько планеров, временами опускаясь так близко к земле, что их можно было рассмотреть в деталях.

Команда, подобранная Форсом, была отправлена несколько раньше, и к тому времени, как мы подошли, они уже обустраивались на огромном заброшенном участке на окраине города, бывшем некогда не то пакгаузом, не то разрушенным дворцом. Внутри стояли два грузовика, с которых было снято все, кроме рамы и кабины. Похоже, что все узлы и механизмы были посланы космосом с Терры. В глубине зала я разглядел

несколько вьючных животных темными тенями выделявшихся во мраке. Рядом в организованном беспорядке лежали уложенные друг на друга ящики, а невдалеке пять или шесть человек в дарковерской одежде — рубашках с широкими рукавами, брюках в обтяжку из плотной ткани, низких башмаках — сидели на корточках вокруг огня и о чем-то разговаривали. Когда мы подошли к ним, они поднялись и Форс неуклюже приветствовал их на скверном дарковерском, подняв руку в традиционном приветствии Терры.

Следуя дарковерскому обычаю, Форс представил меня просто — Джейсон, в то время, как я разглядывал этих людей, каждого в отдельности. В общем, когда дело предстояло нешуточное, я предпочитал сам подбирать себе людей, но тот, кто подбирал эту команду, должно быть, знал свое дело.

Трое из них — горные дарковерцы были смуглые худощавые люди, похожие друг на друга настолько, что их можно было принять за братьев. Кстати, позже я узнал, что они и были братья: Хьялмар, Гарин и Вардо. Все трое были выше шести футов, но Хьялмар выделялся ростом и сложением даже среди них. Для меня они так и остались братьями-дарковерцами, я так и не на-

учился говорить о каждом из них в отдельности.

Четвертый человек, рыжеволосый, был одет лучше других и представился, как Леррис Райдной — двойное имя показывало принадлежность к высшей дарковерской аристократии. Он выглядел вполне зрелым и довольно мускулистым, но его руки были подозрительно ухоженными для горца, и я задумался, имелся ли у него достаточный опыт для таких походов.

Пятый человек разговаривал с Хендриксом и Форсом так, словно они были старыми друзьями. Он пожал мне руку и спросил: — Слушайте, Джейсон, мы не могли встречаться с вами раньше?

Он выглядел дарковерцем и одежду носил дарковерскую, но Форс уже предостерег меня, да и нападение мне всегда казалось лучшей защитой.

— Вы не терранец?

— Мой отец оттуда, — сказал он, и я понял. Ситуация была не такая уж необычная, но достаточно щекотливая для планеты вроде Дарковера. Уже не соблюдая осторожности, я сказал: — Я мог видеть вас когда-нибудь возле Штаб-квартиры. Однако, не могу вспомнить…

— Меня зовут Райф Скотт. Я знавал многих профессиональных проводников на Дарковере, но сам в Хеллеры далеко не заходил, — признался

он. — Каким путем мы пойдем?

Я оказался в середине этой группы людей, и, посасывая одну из маленьких сладковатых сигарет, склонился над схемой, нацарапанной кем-то на крышке уложенного тюка.

Позаимствовав у Райфа карандаш, я присел перед тюком, набрасывая грубую схему той земли, которую я так хорошо помнил со времен отрочества. У меня могли бы возникнуть затруднения с фракцией крови, но что касается восхождения, я знал, что делаю. Леррис и братья-дарковерцы столпились у меня за спиной, разглядывая рисунок, а Леррис ткнул длинным пальцем в намеченный мной маршрут.

— Ваш план подъема плох здесь, — сказал он неуверенно. — Во время Наррской компании Следопыты атаковали именно в этом месте, и было очень неудобно сражаться на этих уступах.

Я взглянул на него с новым чувством. Не знаю, ухоженные у него там руки или нет, но в тамошних землях он явно разбирается. Хендрикс похлопал по бластеру на боку и угрюмо проговорил: — Это не Наррская компания. Хотел бы я посмотреть, сколько этих Следопытов сунется к нам, пока я при этой штуке.

— Вы с ней никуда не пойдете, — раздался голос

позади него — жесткий, внушительный голос. — Убери это оружие, человек!

Хендрикс и я одновременно круто развернулись и увидели высокого молодого дарковерца, стоящего в тени. Он сказал, обращаясь ко мне: — Я слышал, что вы с Терры, но понимаете Следопытов. Надеюсь, вы не собираетесь применять против них оружие, основанное на использовании ядерной энергии.

И тут до меня внезапно дошло, что мы на дарковерской территории, что мы должны считаться с отвращением, которое испытывают дарковерцы к ружьям и вообще ко всякому оружию, не позволяющему добраться до людей, им владеющих, что обычное тепловое ружье по их этическим нормам такая же гнусность, как, например, суперкобальтовый распылитель планеты.

— Мы не можем идти через земли Следопытов безоружными! — запротестовал Хендрикс. — Нам наверняка придется иметь дело с бандами этих тварей, а они весьма опасны со своими длинными ножами.

Незнакомец примирительно сказал: — Я вообще не против того, чтобы вы или кто-нибудь иной носил нож для защиты.

— Нож? — Хендрикс с шумом перевел дыха-

ние. — Слушай, ты, лупоглазый… сын, как ты думаешь, кто ты такой есть?

Дарковерцы тихо зашушукались, а незнакомец тихо произнес: — Регис Хастур.

Хендрикс застыл с вытаращенными глазами. Мои глаза могли проделать то же самое, но я решил, что сейчас самое время взять все в свои руки, если у меня есть желание хотя бы куда-нибудь дойти. Я резко сказал: — Порядок, это мое дело. Бок, отдайте мне бластер.

В течение нескольких минут он прожигал меня глазами, а я тем временем прикидывал, что мне делать, если он не подчинится, после чего медленно, нехотя, он расстегнул ремешки и протянул оружие рукоятью вперед.

Я никогда не думал, что космолетчик может сразу стать таким неряшливым, лишившись бластера. Я с минуту удерживал оружие на ладони, наблюдая за Регисом Хастуром, выходившим из тени. Он был высок.

Мне нечего было возразить на это. Казалось, он продумал все-все, кроме одного… И он, сделав поистине дипломатическую паузу, сказал: — Не мучайтесь, я охотно уступлю бремя ответственности вам. И не буду требовать привилегий.

Я был удовлетворен этим.

Дарковер был цивилизованной планетой с довольно высоким уровнем жизни, но это была не механическая и не технологическая цивилизация. Никто не разрабатывал новые месторождения, не строил заводов и те несколько, что были основаны благодаря терранской предприимчивости, никогда не отличались особой прибыльностью. За пределами Терры и Трейдсити машинное оборудование, современный транспорт были почти неизвестны.

Пока остальные укладывали и увязывали наши припасы, Райф Скотт успел найти несколько новых друзей и обсуждал с ними детали последнего разговора.

Я подсел к Форсу — нужно было ознакомиться с медицинской частью моей миссии к Следопытам.

— Все, что мы могли — это попробовать удержать ваши познания в медицине.

— Трудновато будет запихнуть докторишку в мою теперешнюю личность, сказал я. На душе было беззаботно до нелеповти. С того места, где я сидел, можно было, чуть подняв голову, любоваться панорамой черно-зеленых предгорий, лежавших выше Карфона, и даже найти каменную дорогу, похожую на узкую белую лен-

ту — именно по ней мы двинемся на первом этапе пути. По-моему, Форс не разделял моего энтузиазма.

— Вы знаете, Джейсон, там есть одна вполне реальная опасность.

— Вы думаете, меня тревожат опасности, или боитесь, что я буду понапрасну рисковать?

— Не совсем так. Видите ли, это не физическая опасность. Это эмоциональная, даже более того — интеллектуальная опасность.

— Черт, вы что не знаете другого языка, или вам до такой степени захотелось потрепаться?

— Перестаньте. Джей Элисон сейчас подавлен и контролируется вами, однако вы слишком импульсивны. Насколько я мету судить, вы недостаточно выдержаны, и если будете подвергать себя неоправданному риску и дальше, ваше похороненное "альтер эго" может вылезти наружу и полностью завладеть вами.

— Другими словами, — сказал я, расхохотавшись, — если я внезапно напугаю эту крахмальную рубашку — Элисона, он может начать шевелиться в своей могиле?

Форс закашлялся, подавив улыбку. И сказал, что по-другому, ему не объяснить. Я похлопал его по плечу.

— Забудьте об этом. Я обещаю быть умненьким и благоразумненьким, но разве есть какой-нибудь закон, запрещающий получать удовольствие от своей работы?

Кто-то снаружи нашего дворца-пакгауза закричал мне: — Джейсон, проводник пришел!

Я встал, на прощание ухмыльнулся Форму.

— Не беспокойтесь. Тем лучше Джею Элисону. — Я отправился взглянуть на второго проводника, подобранного ими.

Увидев его, я чуть не упал — проводник была женщиной.

Она была ладно скроена и для дарковерской девушки довольно высока. Ее тело было того типа, что хочется назвать мальчишеским, но не женским, по крайней мере, на первый взгляд. Коротко обрезанные тонкие шелковистые вьющиеся волосы с иссиня-черным отливом отбрасывали легчайшие тени на загорелое и с правильными чертами лицо. Глаза были скрыты таким обилием густых чернеющих ресниц, что мне даже не удалось разглядеть, какого цвета у нее глаза.

Дополняли картину вздернутый носик, придававший лицу до странного самонадеянное выражение, широкий рот и округлый подбородок.

Она протянула ладошку и угрюмо представилась: — Кила Райнич. Свободная Амазонка, дипломированный проводник.

Я ответил ей таким же хмурым кивком.

Союз Свободных Амазонок так или иначе проникал во все сферы деятельности, но что касается горных проводников — это выглядело странным даже для Амазонок. Она была гибка и подвижна, как стальной прут. На теле под толстой одеждой из одеялообразной материи характерные выпуклости в определенных местах выделялись не более, чем у меня. И только стройные ноги были недвусмысленно женскими.

Пока остальные проверяли и загружали запасы, я чисто автоматически отметил про себя, что Хастур наравне со всеми взял свои тюки с резервом и попробовал поднять. Я сел на несколько валявшихся мешков, предложив ей составить компанию, и спросил:

— Как у вас насчет опыта подобного рода? Мы пойдем в Хеллеры через Чертову Лестницу, а это дело нелегкое даже для профессионалов.

Она ответила бесцветным, лишенным каких-либо эмоций голосом: — Я была с картографической экспедицией на Южном полярном гребне в прошлом году.

— А в Хеллерах бывать приходилось? Если со мной что случится, вы сможете привести экспедицию назад, до Карфона, в целости?

Она взглянула вниз на свои сильные пальцы.

— Надеюсь, смогу, — сказала она и стала подниматься, Это все?

— Еще кое-что, — остановил я ее. — Кила, вы будете единственной женщиной среди восьми мужчин.

Ее вздернутый носик сморщился.

— Я надеюсь, у вас хватит ума не лезть ко мне под одеяло, если вы это имеете в виду! По крайней мере, условиями контракта эти услуги не оговорены. Я не ошиблась?

Я почувствовал, как мои щеки загорелись! Чертова девчонка!

— Это не в моих правилах, — огрызнулся я, — но я не могу отвечать за семерых оставшихся. Большинство из них шалопаи.

Сказав это, я вдруг спросил себя, чего это я так волнуюсь? В конце концов, может эта Свободная Амазонка постоять за свою добродетель или нет, если ей так хочется, обойдется она и без меня. И чтобы как-то оправдать себя, добавил: — В любом случае вы будете источником волнения. Была мне охота драться с каждым!

Она хмыкнула.

— Один в поле не воин? А вы знакомы с физиологическим эффектом воздействия высоты на мужчин?

Внезапно она резко встряхнула головой, откинула ее назад, как бы высвободив звук, застрявший внутри, и весело расхохоталась: — Джейсон, я Свободная Амазонка, и, конечно, не бесполое существо, как некоторые из нас. Но вот вам мое слово: из-за меня не будет проблем, обычно связанных с некоторыми разновидностями самок.

Она встала.

— А сейчас, если у вас нет каких-нибудь еще соображений, я бы хотела проверить снаряжение.

Ее глаза спокойно улыбались мне, но как ни странно, добавить мне было абсолютно нечего.

Глава 4

Мы вышли той же ночью нестройным маленьким караваном. Вьючных животных погрузили в грузовик, но они были явно не в восторге от этого. В другом грузовике разместились мы вперемежку с припасами.

Древние каменные дороги, там и сям изрезанные колеями и канавами, заполненными водой и грязью — они копились здесь десятилетиями, были мало приспособлены для каких-либо путешествий, разве что пешком или верхом. Мы проезжали крошечные селения и целые деревни. Остались за спиной несколько одиноких башен из неотшлифованного камня. В них работали метрико-механики, единственные, кто имел дело с тайными знаниями Дарковера. Иногда камень башни светился мягким голубоватым светом, указывая путь в кромешной тьме.

Хендрикс вел грузовик с животными, и это развлекало его. Райф и я по очереди садились за руль другого, разделив широкое переднее сидение с Регисом Хастуром и Килой. Остальные кое-как расположились сзади, между ящиками

к мешками. Один раз, когда Райф был за рулем, а девушка дремала, прикрыв лицо от горячего солнца курткой, Регис спросил меня: — Скажите, а на что похожи города Следопытов?

Я попытался рассказать ему, но мне никогда не удавалось поддерживать приличную беседу, чуть не вылезая из шкуры. И когда, убедившись, что я не расположен к разговору, он замолчал, я тут же с облегчением погрузился в сладкую дрему, заслонившую своими крыльями меня от Хастура, Следопытов и всего в мире.

Природа всех обитаемых миров имеет тенденции развиваться в сторону экономности и простоты человеческих форм. Прямая осанка, хорошо развитые руки, большой палец отстоит отдельно от остальных, светочувствительные сетчатки глаз, постепенное усложнение языка и растянутый срок родительского воспитания — все эти признаки необходимы для развития цивилизации и в конечном итоге — человека. За исключением небольших вариаций, зависящих от климата или чего-нибудь еще, обитатель Мегаэра или Дарковера не отличим от жителей Терры или Сириена. В основном различия касаются культуры, и иногда изолированная культура принимает необычайные формы, зача-

стую переполненные атавизмами.

Место где-нибудь на полпути к вершине лестницы эволюции по-прежнему остается местом хомо сапиенс, как самой рациональной из природных форм. Следопыты же были как бы на некой промежуточной площадке, которая, кстати, была весьма устойчива.

Когда основная линия эволюции на Дарковере заставила обитателей покинуть деревья для борьбы за существование на земле, кое-кто несколько поотстал в развитии. Эволюция для них не прекращалась, но доминировал другой вид — хомо арборенс, ночной образ жизни; способность видеть только в темноте. Эти гуманоиды всю жизнь проводят в обширных лесах.

Грузовик подскакивал на ухабистой дороге, дул холодный ветер грузовик не имел такой роскоши, как окна. Я тряхнул головой, прогоняя воспоминания о какой-то необычной идее, пронесшиеся в мозгу. Смутные мысли об эволюции закружились в голове роем пузырьков.

Следопыты? Они были всего лишь Следопыты, кто мог понять их? Разве что Джей Элисон…

Райф повернулся ко мне и спросил: — Где мы остановимся на ночь? Уже темнеет, а нам надо еще разобрать упряжь.

Я встряхнулся и вернулся к экспедиционным делам.

Позже, когда грузовики, были остановлены, разбиты палатки, и животные выгружены и стреножены — когда все это было сделано, я прилег, прислушиваясь к тяжелому храпу Хендрикса и борясь с собственным сном. Пока я спал в грузовике, в моем сознании что-то происходило. Мысли, пришедшие тогда, отчасти не были моими. Меня занимал вопрос, если я усну, то кем буду, когда проснусь?

Мы устроили лагерь на излучине громадной реки — широкой, неглубокой, без мостов, реки Кадарин. Дарковерцы считали ее традиционной точкой, дальше которой возврата нет. За рекой лежали густые леса, а за лесами начинались Хеллеры, поднимавшиеся до небес. И каждая долина, каждый каньон их был покрыт лесами. Вот там-то и жили Следопыты.

Но хотя вся страна была густо заселена отдаленными друг от друга колониями-гнездами, нам, вероятно, не удастся заключить соглашение ни с одной из них. Нам придется иметь дело со Старейшинами Северного Гнезда, где прошли мои юношеские годы.

С незапамятных времен Следопыты, обычно

безобидные, строго придерживались границы, проведенной между их землями и землями прочих дарковерцев. Они никогда не заходили дальше Кадарина. С другой стороны, те немногие, кто рисковал проникнуть на их территорию, становились законной добычей.

Некоторые дарковерцы, чаще всего горные, торговали со Следопытами. Они отдавали в обмен одежду, кованый металл, небольшие инструменты. Взамен шли орехи, кора для красителей, кое-какие листья и мхи для лекарств. Следопыты за это позволяли им охотиться в лесах, не досаждая излишним вниманием. Но другие люди, рискнувшие забраться к Следопытам, подвергались немалому риску.

Следопыты не были кровожадны и не убивали единственно ради убийства, но они действовали сообща, группой, по двое или трое, и раздевали свою добычу буквально догола.

Продвижение через их страну будет весьма опасным.

Я сел перед палаткой, глядя на бушующую воду, казавшуюся розовой в лучах восходящего солнца. Животные щипали позади палатки короткую траву, грузовики, как огромные сфинксы, закутанные в брезент, поблескивали росой.

Регис Хастур вышел из палатки, протер глаза и подошел к кромке воды.

— О чем думаете? Что в походе нам придется туго?

— Мне бы не хотелось так думать. Я знаю повадки Следопытов и буду начеку. Вот только… — я запнулся, и Регис спросил: — Так что?

Я сказал чуть помедлив: — Вот только… Вот только — вы. Если с вами что-нибудь произойдет, отвечать придется нам. Перед всем Дарковером.

Он усмехнулся. В красных лучах восходящего солнца Хастур казался вождем из старинных легенд.

— Ответственность? Я не доставлю вам ни малейшего беспокойства, Джейсон. За какого неумеху вы меня принимаете? Я знаю, что не побоялся бы Следопытов, даже если бы знал их не так, как вы. У вас есть еще какие-нибудь соображения, или я пойду завтракать?

Я пожал плечами, пододвинувшись ближе к огню.

К удивлению двух других терранцев — Хендрикса и Райфа — Регис каждую стоянку аккуратно выполнял свою часть работы. Не напоказ, как кто-то из них, а от души.

Райф и Хендрикс признавали терранские

обычаи высшего света, разрешающие такие вещи, только негласно. Но несмотря на строгие кастовые отличия, социальным отношениям терранского типа не было места на Дарковере.

Никто не оказался настолько галантен, кроме запротестовавшего Хендрикса, чтобы помочь девушке, и даже Кила принялась за работу, осматривая упакованный груз и свою долю ящиков и коробок.

Спустя некоторое время Регис снова присоединился ко мне у огня. Трое братьев-хулиганов вышли и шумно брызгались в воде, остальные спокойно спали. Регис спросил: — Может разбудить остальных?

— Не стоит. Кадарин питается водой из океанского прилива, и мы просто подождем, пока вода не спадет. Где-нибудь после полудня мы сможем переправиться, не замочившись даже до пояса.

Регис втянул запах из котелка.

— Готово, — сказал он, зачерпнув чашкой, сел, пристроив ее на колене. Я последовал его примеру, и Регис спросил;

— Скажите, Джейсон, откуда вы столько знаете о Хеллерах? Ну, Леррис был в Наррской компании, но вы-то не настолько стары.

— Я старше, чем выгляжу, — сказал я, — но в

действительности не настолько стар. Во время непродолжительной гражданской войны, когда дарковерцы сражались со Следопытами в Нарр-ском ущелье, я — в то время одиннадцатилетний мальчишка — следил за передвижениями людей-захватчиков, но сейчас не стал говорить об этом Регису.

— Я жил у Следопытов восемь лет.

— Шарра! Так это были вы? — дарковерский принц был поражен. Неудивительно, что вы получили это задание. Я завидую вам, Джейсон.

Я изобразил на лице подобие улыбки.

— Нет, я серьезно. Мальчиком я пытался попасть в терранскую космическую службу, но моя семья в конце концов убедила меня, что как Хастур, я имею заранее предопределенное место, что мы, Хастуры, призваны удерживать Терпу и Дарковер на пути мирного сосуществования. Это ставит меня в ужасно невыгодное положение. Имеется в виду, что я должен сунуть голову под подушку, если до меня дойдет что-нибудь не то, что нужно.

— Тогда почему же, черт возьми, они отпустили вас на такое опасное дело?

Глаза Хастура дрогнули, но лицо осталось невозмутимым, и голос бесстрастным.

— Я доказал своему прародителю, что я усердно выполнял долг Хастура. У меня пять сыновей. Трое законнорожденных родились за последние два года.

Я фыркнул и, не сдержавшись, разразился смехом, а Регис, поднявшись, отправился полоскать чашку в реке.

Мы свернули лагерь задолго до того, как солнце выползло на середину неба. Пока все упаковывали последние вещи, собираясь навьючивать их на животных, я дал Киле задание подготовить рюкзаки, которые мы потащим на себе по тем тропам, где даже вьючным животным делать нечего.

Я стоял у самой кромки воды, проверяя глубину брода и глядя на скрытый туманом просвет между гребнями воды.

Остальные упаковывали палатку, которую мы должны были использовать в лесах, топчась вокруг, отпуская грубые шутки и создавая оживленную суету.

Команда была подобрана со знанием дела — это я уже успел оценить. Райф, Леррис и братья-дарковерцы были крепки телом и духом. Хендрикс, очевидно, представлял ту же разновидность людей, и я чувствовал, что могу быть в нем пол-

ностью уверен и, в случае чего, всегда смогу положиться на него. Как ни странно, тот факт, что он был терранцем, смутно утешал, хотя, вообще-то, он должен был вызывать раздражение.

Спокойствие Килы казалось безграничным. Она была даже слишком спокойна, выполняя свою часть работы, но из нее было и слова не вытянуть. Она держала себя так холодно и даже раздраженно со мной, хотя с дарковерцами выглядела вполне естественной, что я оставил ее в покое.

— Хей, Джейсон, поторапливайтесь, — крикнул кто-то, и я, прервав спокойный ход мыслей, сощурился на солнце.

Совершенно неожиданно почувствовав боль, я осторожно прикоснулся к лицу, внезапно поняв, что случилось. Вчера, трясясь в открытом грузовике, и сегодня утром, не привыкнув к жаркому солнцу этих широт, я пренебрег мерами предосторожности и сжег лицо на солнце. Я направился к Киле, которая в этот момент прилаживала последнюю часть груза на одного из животных — это получалось у нее довольно квалифицированно.

Едва взглянув на мое лицо, она оценила ситуацию. Насмешливо улыбнувшись, она сказала:

— Что, загорели? Положите немного вот этого на лицо, — она извлекла откуда-то тюбик с белой мазью. Я стал неумело откручивать крышку, и тогда она забрала мазь, выдавила немного на ладонь и сказала: — Стойте спокойно и не вертите головой.

Она намазала мне лоб и щеки во всю ширь. Сразу стало прохладно и хорошо. Я было поблагодарил ее, но она странно дернулась и зашлась смехом.

— В чем дело?

— Видели бы вы себя!

Мне было совсем не смешно. Конечно, вид у меня был гротескный, и, конечно, у нее были все основания для смеха, но мне было безрадостно и больно. Вознамерившись поставить ее на должное место, я спросил:

— Вы все подготовили для подъема?

— Все, кроме скальных принадлежностей — я не была уверена в том, сколько их понадобится. Джейсон, вы обзавелись темными очками для перехода через снега? — Я кивнул, и она продолжала, отчеканивая каждое слово. — Не забудьте их. Снежная слепота, даю вам слово, еще неприятнее, чем перебор с загаром, и весьма болезненна, кроме того.

— Черт побери, девочка, я не настолько глуп! — взорвался я.

Она снова заговорила лишенным эмоций голосом:

— Тогда бы вам следовало выбрать время получше, если вы захотели позагорать. Вот, положите в карман, — она вручила мне тюбик крема для загара. — Мне, наверное, следует проверить кое-кого из остальных, я хочу убедиться в отсутствии у них забывчивости.

Она ушла, не произнеся более ни слова, оставив мне неприятное чувство, что первый раунд за ней, и, кроме того, что я для нее — просто безответственный болтун.

Форс говорил мне едва ли не то же самое.

Я поручил братьям-дарковерцам гнать животных через самую узкую часть брода и жестами показал Ларрису к Киле, чтобы кто-нибудь из них встал рядом с Хендриксом. Тот мог не представлять себе силу течения, коварно затаившегося под поверхностью реки, текущей с гор. Райфу было никак не загнать последнюю лошадь в воду. В конце концов он спешился, снял ботинки и повел эту тварь на поводу по скользким камням. Я шел последним, двигаясь сразу за Регисом Хастуром и следил за возможными опасностями, подсте-

регающими нас, сердито думая, что если кое-кто так важен для дарковерских политиков, то он мог бы и не утруждать себя этой миссией. Если бы Посол Терры пошел с нами (невообразимо), он был бы окружен телохранителями, парнями из секретной службы и десятками предосторожностей против случайностей террористов или несчастий иного рода.

Весь этот день мы ехали верхом, поднимаясь все выше и выше, и встали лагерем на самой дальней точке, которую только могли достичь с животными. На следующий день восхождение будет проходить по опасным тропам, где подниматься можно только пешком.

Мы разбили уютный лагерь, но спалось плохо. У Хендрикса, Лерриса и Райфа от сильного солнца и разреженного воздуха болели голова и глаза. Мне было привычнее, я чувствовал какое-то непонятное давление и звенело в ушах. Регис самонадеянно отрицал некоторый дискомфорт, но и он стонал во сне, потом во всеуслышанье заявляя, что всю ночь Леррис пинал его ногой. Кила, казалось, меньше всех чувствовала что-то необычное. Вероятно, она бывала в более высоких местах и подольше, чем кто-то из нас, но и у нее были темные круги под глазами.

Однако, никто не жаловался — все готовились к последнему длинному восхождению. Если нам повезет, мы сможем перейти Чертову Лестницу до наступления ночи. По крайней мере, уже сегодня вечером мы могли встать лагерем у самого ущелья.

Мы поставили лагерь на последней ровной площадке, частично встревожили вьючных животных, чтобы они не разбрелись слишком далеко, и оставили достаточно пищи для них, спрятав все, кроме самого необходимого в походе.

Пока мы готовились начать подъем на скалу, я взглянул на Килу и заявил: — Мы будем работать в паре в первой связке. Начинаем сейчас.

Один из братьев-дарковерцев с презрением уставился на меня.

— И вы называете себя горцем, Джейсон! Да ведь у меня маленькая дочка сможет вскарабкаться по этой тропинке, не получив пинка под зад!

Я потер подбородок и свирепо произнес:

— Скалы не так уж просты, а некоторые из этих людей не поднимались в связке вовсе. Когда мы начнем двигаться вдоль карниза, я бы не хотел, чтобы оказался кто-нибудь, кто не знает этого

способа.

Они успокоились, хотя им и не понравилось, но в дальнейшем никто не протестовал, пока я не направил огромного Хендрикса в середину второй связки. Тот мрачно взглянул на легкий нейлоновый шнур и спросил с некоторой опаской:

— Может, пока я осваиваюсь, мне лучше идти последним? Между двумя из вас я могу натворить дел!

Хьялмар захохотал во все горло и сообщил ему, что центральное место в связке из троих человек было всегда запасным для слабаков, новичков и дилетантов. Крепыш-космолетчик и гигант с Дарковера свирепо глядели друг на друга.

Я ожидал, что Хендрикс вспылит, но он только пожал плечами и завязал шнур узлом на поясе. Кила обвела Хендрикса и Лерриса высокомерным взглядом, и мы пошли.

Вначале все было очень просто — свободная тропинка змеилась все выше и выше на пару миль вверх. Едва остановившись передохнуть, я обернулся и увидел долину во всем великолепии раскинувшуюся под нами. Постепенно тропинка становилась все круче, в отдельных местах угол подъема доходил до 50 градусов, путь был усыпан щебнем и камнями. Это заставило нас ставить

ноги с особой осторожностью, иногда наклоняться вперед, помогая себе руками. Я осторожно опробовал каждый валун, так как некоторые были довольно увесисты, и, сорвавшись, могли наделать кучу дел.

Один из братьев-дарковерцев, Вардо, если не ошибаюсь, шел позади на расстоянии десяти футов слабо натянутой веревки, и дважды, когда нога его соскальзывала, он спотыкался и весьма чувствительно дергал меня. И то, что он ворчал, было совершенно справедливо. На подъемах, подобных этому, где падение было не опасно, подъем без связки был более оправдан — тогда один поскользнувшийся не тянул бы за собой другого. Но зато теперь я мог примерно представить, что за альпинистов я веду через Хеллеры.

Вдоль обрыва поверхность тропинки сужевалась в горизонтальной плоскости, проходя через нависающий выступ шириною со ступню, укрытый рыхлым сланцем и заросший кустарником. Уступ выдавался футов на пятьдесят пустяк, конечно, для опытного альпиниста он с тем же успехом мог быть четырехполосной сверхскоростной автострадой.

Хендрикс нервно переступил вокруг туго натянутого шнура, но когда подошла его очередь,

выбирал дорогу спокойно, не теряя равновесия; Леррис, Регис, Райф — совершали переход без колебаний, и мне стало интересно, насколько уверенно они бы сделали это при менее безопасной высоте.

После этого уступа идти стало тяжелее. Тропинка, ставшая еще круче, местами почти незаметная, струилась между плотным кустарником и тесно сросшимися развесистыми деревьями. В тех местах, где переплетались корни, тропинка была совсем не видна; кое-где упорная поросль пробивалась из-под камней и грунта. Наш путь пролегал через дикое переплетение зарослей, которые были бы пустяком для Следопыта, но болезненно раздирали наши привычные к садам и паркам тела при попытках продраться сквозь них.

Этот единственный путь был похоронен под целой баррикадой из отмершего кустарника, занесенного сюда половодьем не то после внезапной оттепели, не то после дождя. Мы мучительно трудились вокруг этой более чем трехсотфутовой скользкой скалы, которую могли преодолеть только сразу, одним рывком. Шли, наклоняясь еще больше, по краю, всеми силами стараясь удержать равновесие. Теперь уже никто не воз-

ражал против шнура.

Ближе к полудню у меня в первый раз появилось ощущение, что на склоне мы не одни. Вначале это были не более чем мимолетные движения, схваченные уголком глаза — тень тени. На четвертый раз я увидел это и тихо окликнул Килу.

— Видишь что-нибудь?

— Я было начала думать, что у меня что-то со зрением или что это шутки высоты. Я видела, Джейсон.

— Взгляни на площадку, где мы могли сделать привал, — показал я. Вдоль небольшого выступа, по которому мы поднимались, была заметна слабая, едва различимая вибрация в зарослях кустарника, росших на другой стороне. Я шепнул девушке: — Я буду очень рад, если мы уберемся отсюда. По крайней мере, мы хоть сможем видеть, кто идет за нами!

— Если этот кто-то идет, чтобы драться, — сказала она неожиданно, — я бы предпочла заняться этим на твердой почве, а не на льду.

Над возвышением, где мы стояли, раздался низкий ревущий звук. Кила взмахнула руками, чудом избежав равновесия и удержавшись на куске скалы, расклиненном спутанными корня-

ми росшего на нем дерева и, приставив ладонь ко рту, закричала:

— Река!

Я подтянулся к кромке и встал, глядя в глубь узкого глубокого оврага. Тропинку, по которой мы поднимались, пересекал и загораживал глубокий ревущий поток горной реки.

Менее чем через двадцать футов он переходил в водопад, разбивающийся о край утеса над нами. Мчавшаяся вода наполнила мои уши таким шумом, что в голове возник звон.

Зрелище было грандиозным. Любой, шагнувший в поток человек, был бы сбит с ног и полетел бы вниз, влекомый силой воды.

Райф осторожно вскарабкался на край образовавшегося русла, нагнулся, зачерпнул в ладонь воды и попробовал.

— Эге, да это похолоднее, чем девятый круг Зандры. Должно быть, поток берет начало прямехонько с ледника.

— Очень может быть, — я помнил тропку и помнил площадку. Хендрикс присоединился, к нам у края воды и спросил: — Как будем переходить?

— Пока не знаю, — ответил я, изучая набирающие скорость белые буруны. Сверху, с высоты примерно двадцати футов, где мы теснились на

склоне, были видны толстые ветви громадных деревьев, нависших над потоком. Их длинные корни частично перегораживали реку, и вокруг них образовывались маленькие водовороты воды. Между этими деревьями покачивалась одна из странных конструкций Следопытов — разводной мост, подвешенный всего лишь в футах десяти над водой.

Даже я никогда бы не решился один переправляться по этому шаткому сооружению. Человеческие руки не настолько длинны, чтобы подходить для этих целей.

Раньше я мог бы просто руководить переправой, но сейчас, учитывая наше отчаянное положение, это было не решение вопроса. Райф и Леррис, с их телосложением акробатов, вероятно, смогли бы проделать что-нибудь похожее, будь они на ровном месте, скажем, на лугу. На крутом же и каменном склоне, где падение могло бы обернуться тысячефутовым полетом вниз в компании со щебнем… я вовсе не был уверен в их возможностях. Мост Следопытов был не важным шансом, но в конце концов, разве у нас был выбор?

Я поманил Хендрикса — это был именно тот человек, которому я мог бы со спокойной душой

доверить свою жизнь на эти несколько мгновений, и сказал:

— Это выглядит не слишком привлекательно, но я думаю, что двое крепко стоящих на ногах людей смогут перейти через мост. А остальные будут поддерживать нас веревками на случай, если мы сорвемся. Если нам удастся переправиться и закрепить веревку на том обрубке скалы, — я остановился, другие смогут перейти по ней, но первые двое очень рискуют. Попробуем?

Мне понравилось, что он не стал сразу отвечать, а подошел к уступу над глубоким оврагом, вырытым водным потоком, и стал всматриваться вниз, в расщелину. Конечно, если бы мы свалились вниз, семеро остальных смогли бы вытащить нас оттуда, но сначала мы бы изрядно побились о камни. И снова я уловил какую-то иллюзорную тень движения в зарослях кустарника. Если Следопыты выберут момент, когда наши дела в потоке не позволят нам отвлечься, мы будем беззащитны, как котята.

— Я думаю, можно найти способ полегче, — сказал Хьялмар и вынул из рюкзака один из мотков веревки. Он завязал подвижную петлю на одном конце, метнул эту конструкцию на выступ скалы, выбранный нами для укрепления. Если я смогу

попасть…

Веревка не долетела, и Хьялмар, смотав ее, вновь бросил петлю. Он сделал еще три неудачных попытки, прежде чем задуманное удалось. Затаив дыхание, мы смотрели, как петля охватывает выступ, как туго натягивается осторожно выбранная веревка — узел прочно держал ее на скале. Хьялмар оскалился и перевел дыхание.

— Там, — сказал он и с силой дернул. В тот же момент скала треснула с резким «крак» и отломилась, целиком упав в поток. Внезапный рывок едва не свалил Хьялмара с ног. Валун катился быстрее и быстрее вниз, волоча за собой веревку.

В течение минуты мы не смогли произнести ни слова.

Хьялмар жутко ругался, изрыгая непечатную брань на языке горцев, и его братья вторили ему.

— Дьявол, разве я знал, что эта скала обломится?

— Все-таки лучше, что она обрушилась сейчас, а не тогда, когда мы бы на ней оказались, — флегматично произнесла Кила. — У меня есть идея получше.

Она успела отвязать, пока говорила, и затянуть узлом на талии один из страховочных концов. Другой конец веревки Кила протянула Леррису.

— Держи, — сказала она и быстро сбросила с себя шерстяную ветровку, оставшись в тонком свитере. Сняла ботинки и бросила их мне. — А сейчас поднимите меня на плечи, Хьялмар.

Я догадался о ее намерении и закричал: — Нет, Кила, не смей!..

Но она уже забралась на широкие плечи дарковерца и прыгнула на нижнюю петлю моста Следопытов. Повиснув там, Кила начала слегка раскачиваться. Даже смотреть на это и то было тошно.

— Хьялмар, Леррис, спускайте ее вниз!

— Я легче, чем кто-то из вас! — пронзительно закричала Кила, — и не так тяжела, чтобы нельзя было использовать веревки!

Ее голос слегка вибрировал, когда она добавила:

— Цепляйтесь крепче, Леррис. Если вы ее упустите, все усилия будут напрасны.

Она покрепче взялась за петлю из виноградной лозы, освободив одну руку для следующей. Сейчас она раскачивалась над самым краем кипящего потока.

Стиснув зубы, я бешено жестикулировал остальным, чтобы они развернулись чуть ниже, хотя ничто не могло бы спасти ее, если бы она

упала.

Хьялмар, до этого времени молча смотревший, как женщина добралась до третьей петли, страшно провисшей под ее весом, вдруг закричал:

— Быстро, Кила! Посмотри выше, не прикасайся к следующей петле. Она вся перетерлась и прогнила.

Кила перенесла левую руку к правой, на третью петлю; мгновение спустя она вытянулась, насколько могла далеко, попыталась схватить, промахнулась, снова качнулась и уцепилась, тяжело дыша, за сохранившуюся пятую петлю. Я следил за ней, замирая от страха. Чертова девчонка должна была предупредить, что она задумала.

Кила взглянула вниз, и на мгновение стало видно ее лицо, блестевшее смесью крема и пота. Ее крошечная фигурка покачивалась двенадцатью футами выше белой кипящей пены, и только чудо могло спасти ее, если бы она ослабила на секунду хватку. Повисев там еще минуту, она начала резко раскачиваться вперед и назад. В третий раз качнувшись, Кила разняла руки и, изогнувшись в прыжке, уцепилась за последнюю петлю.

Петля скользила в ее пальцах. Девушка сделала дикое усилие, но лиана уже опускалась под ее весом, и вдруг резко хрустнув, развалилась

надвое. Издав пронзительный крик и неловко извернувшись в воздухе Кила упала, оказавшись наполовину в воде, наполовину на суше, но уже на том берегу. Она вытащила ноги на сухую землю и припала к ней, промокшая насквозь, но целая и невредимая.

Дарковерцы вопили в восхищении. Я показал жестом Леррису, чтобы он накрепко завязал конец веревки вокруг тяжеленного корневища дерева, и закричал через реку:

— Все в порядке?

Она изобразила, что ревущая вода заглушает слова и наклонилась зацепить конец веревки. Я при помощи жестов посоветовал ей сделать узлы как можно крепче — если они развяжутся, вес любого из нас окажется ей не по силам.

Для пробы я повис на веревке — она держала надежно. Я повесил через плечо ее башмаки, перекинув шнурки вокруг шеи и, схватившись за закрепленную веревку, вместе с Хендриксом ступил в воду.

Вода в потоке была еще более ледяной, чем я себе представлял, и мой первый Шаг был весьма близок к последнему.

Стремительное течение ударило меня под коленки, я пошатнулся и, вероятно бы, окунулся в

полный рост, но Хендрикс подхватил меня, выпустив веревку. Взъярившись, я выругал его, пока мы вставали на ноги и приходили в себя. В то время как мы боролись с волнами, мне пришлось мысленно согласиться, что нам никогда бы не перейти через реку, если б не веревка, закрепленная Килой с риском для жизни.

Дрожа, мы закончили переход и выползли на берег. Я показал остальным, чтобы переходили сразу по двое, и тут Кила схватила меня за локоть.

— Джейсон!

— Позже, черт возьми! — как раз в этот момент я протянул руку, помогая Райфу взобраться на выступ. Приходилось кричать, чтобы перекрыть шум воды.

— Это… не может… ждать! — завопила она чуть ли не в самое ухо, приложив ладони ко рту. Я развернулся к ней.

— Чего?

— Там… Следопыты… наверху… я видела их! Они резали петлю!

Регис и Хьялмар шли последними. Когда до берега оставалось совсем немного, Региса, более легкого, сбило с ног, и Хьялмар развернулся, чтобы подхватить его, но я закричал, чтобы он

остерегался; они все еще были связаны веревками, и если бы веревки запутались, мы вполне могли кого-нибудь не досчитаться. Леррис и я спрыгнули вниз и вытащили на сушу Хастура, который кашлял и отплевывался, вымокнув до нитки.

Я приказал Леррису оставить веревку — все-таки была небольшая надежда, что она дождется нас, когда мы вернемся, и огляделся, соображая, что делать.

Регис, Райф и я промокли до нитки, остальные были мокры не выше колен. Несмотря на то, что мы находились несколько высоко, чтобы бояться обморожений, обсушиться было не лишним. Были здесь Следопыты или не были, нам нужно было избежать малейшего риска и найти безопасное место, где мы могли бы разжечь огонь и обсушиться.

— Поднимемся выше, там просвет, — коротко сказал я и повел людей за собой.

Взбираться было тяжело, встречались отдельные места, где приходилось вырубать опоры для рук и двигаться вдоль отвесной скалы. Дул резкий ветер, шелестел по неровностям скал и ледяными зубьями впивался в тело. Хендриксу приходилось тяжелее всех, и я помогал ему, как

мог, но холод донимал и меня.

Вскоре мы добрались до маленькой голой площадки, и я отправил двух братьев, которые-были посуше других, собирать сухой хворост для костра. Успеть поставить лагерь до захода солнца, когда почти не оставалось времени, было задачей не из легких. Через некоторое время мы смогли достаточно обсохнуть, чтобы нормально идти, но я приказал ставить палатку, после чего сердито повернулся к Киле.

— Слушайте в последний раз, постарайтесь не откалывать такие номера без указаний — Пожалуйста потактичнее, — вступился Регис Хастур. — Нам никогда бы не перейти, если бы не то, что она сделала. Хорошая работа, девушка.

— А вы не влезайте, — огрызнулся я. Все, что он сказал, было правдой. В то же время спокойное лицо Килы зарделось от похвалы Хастура. Я вынужден был согласиться, что, легкая как пушинка, Кила подвергалась меньшему риску на этом мосту для акробатов, чем в ревущем потоке, но это не уменьшило моего раздражения. А вмешательство Региса и еще глупая ухмылка на лице девушки довели меня просто до кипения.

Я хотел переспросить Килу об увиденных Следопытах, но решил не делать этого. В конце концов,

атаки не было, и вполне возможно, что это были не враждебные действия, а просто наблюдение за нашим движением. Может даже, им было неизвестно, что мы идем с миром. Но мне почему-то не верилось в это ни на минуту. Если я что-то и знал о Следопытах, так это то, что о них нельзя судить по человеческим меркам. Я попытался поставить себя на их место, но мозг отказывался работать в этом направлении.

Братья-дарковерцы, совершенно не заботясь об осторожности, развели такой костер, что не увидеть его мог только слепец. Но в этот момент мне казалось, что боевой дух и собранность команды были дороже осторожности. И, сидя вокруг ревущего огня, чувствуя, как вымокшая насквозь одежда согревается, попивая горячий чай, мы думали, что были правы. Сказывался возвращавшийся оптимизм. Кила, позволившая Хьялмару перевязать ей руки, стертые до крови лианой, перешучивалась с мужчинами относительно своей ловкости на мосту.

Мы поставили лагерь на вершине дальнего отрога центральной гряды Хеллеров, и вся массивная горная цепь открылась нашим взорам, отсвечивая в лучах заходящего солнца тысячами различных цветов. Зеленый, бирюзовый, розо-

вый — горы были еще более прекрасны, чем я их запомнил. Плечо горного склона, который нам предстояло преодолеть, загораживалось горным массивом, и я видел, как глаза Хендрикса широко раскрылись, когда он представил себе, что та высота, которую мы только что одолели — всего лишь первая часть той задачи, что стояла перед нами.

Горы, возвышавшиеся впереди, густо заросшие на нижних склонах, выше были похожи на безвоздушную, покрытую одними скалами лунную поверхность. А над скалами высились стены, как шапкой покрытые снегом и льдом. Под нами вдоль стены потрясающими каскадами спускался ледник, задерживая движение падающей воды. Я медленно проговорил название на языке Следопытов и перевел его для остальных: — Стена Вокруг Мира.

— Неплохое названьице, — произнес Леррис, подошедший с кружкой в руке взглянуть на гору. — Вон на тот здоровенный пик еще, наверное, не забирался никто, а, Джейсон?

— Не помню, — ответил я.

От холода у меня начали стучать зубы, и я вернулся к костру. Регис оглядел отдаленный ледник и сказал:

— Смотрится не так уж плохо. Там может быть путь на всю длину, немного западнее гребня. Хьяльмар, ведь вы были с экспедицией, ходившей на Хай Кимби?

Великан гордо кивнул.

— Нам оставалось не более сотни футов до вершины, когда вьюга заставила нас повернуть обратно. Несколько дней мы пытались удержаться на Стене Вокруг Мира, но ни один не взошел на пик.

— Ни один и не взойдет, — решительно заявил Леррис. — Абсолютно отвесная стена тянется там футов на двести вверх… Князь Регис, вам придется обзавестись крыльями для подъема. А еще там есть снежные лавины, которые едва висят. Они зовутся Дьявольской аллеей…

Хендрикс раздраженно вмешался.

— Меня не интересует, была или не была покорена эта гора. Мы туда сейчас не пойдем, — он взглянул на меня и добавил, — я надеюсь!

— Не пойдем.

Если новички и дилетанты хотели занять себя составлением плана предполагаемых наступлений на недоступную горную цепь, это был далеко не худший способ занять время. Я показал Хендрйксу бороздку в гребне горы несколькими

тысячами футов ниже вершин, хорошо укрытую ледяным козырьком.

— Это Чертова Лестница. Мы пойдем по ней. Нам не придется влезать на гору. Мы будем держаться основных дорог на деревьях и, по возможности, всех нанесенных на карту деревень Следопытов, но мы можем попасть в странные места… — внезапно я кое-что вспомнил и жестами собрал всех вокруг себя.

— В этой точке, — начал я, — мы, возможно, будем атакованы. Кила, скажи, что ты видела.

Она поставила кружку. Потом она рассказала о том, что видела на мосту, лицо ее вновь было серьезным.

— Наша цель мирная, и беда в том, что они этого не знают. Следопыты стараются не убивать, пока это возможно — только ранить и грабить. Если будет бой, — она продемонстрировала короткий страшный нож, извлеченный откуда-то из складок рубашки, — они снова убегут.

Леррис качнул узким кинжалом, который до этого момента я считал просто украшением, и сказал:

— Вы не против, если я кое-что добавлю, Джейсон? Мне запомнилось еще с Наррской компании — Следопыты сражаются только врукопашную

и, по человеческим стандартам, они сражаются без правил.

Он свирепо взглянул по сторонам, и его небритое лицо блеснуло оскалом зубов.

— И кое-что еще. Мне нравится рукопашная. Мы останемся в парных связках, когда начнем драться?

Я обдумал это. Его желание драться заставило меня испытывать как раздражение, так и странное удовольствие.

— Я не стану никого заставлять идти в паре, если он думает, что без веревки будет в большей безопасности, — сказал я. — Как бы то ни было, мы решим это, когда придет время. Но мне кажется, что, Следопыты получат преимущество — они могут свободно бегать по узким уступам, а мы — нет. И первым их тактическим приемом будет, вероятно, выманивание нас один на один. Если мы будем связаны, нам будет легче их отбить, — покончив с этим вопросом я добавил, — но сейчас самое важное для нас — высохнуть.

После того, как все вернулись к огню, Хендрикс остался со мной, глядя в густой лес, отлого поднимавшийся к месту, на котором стоял наш лагерь. Немного помедлив, он произнес: — Это место выглядит так, будто кто-то уже останавливался

здесь лагерем до нас. Мы ведь так же уязвимы здесь, как и где-нибудь в другом месте.

Он коснулся именно той темы, которую мне менее всего хотелось обсуждать. Я только сказал:

— По крайней мере здесь не так много места, где они могли бы укрыться.

Хендрикс тихо проговорил: — А у нас только бластер!

— Я оставил его в Карфоне, — правдиво сказал я, после чего со всей возможной убедительностью заговорил: — Слушайте, Бак, если мы убьем хотя бы одного Следопыта иначе, чем при защите в рукопашной схватке, мы можем смело собираться и идти домой. У нас мирная миссия, и нам необходимо снискать их благосклонность. Даже если на нас нападут — мы можем убивать только в крайнем случае и только в рукопашном бою.

— Чертово захудалое королевство…

— Вы предпочитаете смерть от лихорадки?

Он свирепо сказал:

— Все мы способны подцепить эту гадость так или иначе. И вы иммунны, вас это не заботит, вы в безопасности! Все остальные — законченные самоубийцы, и, черт возьми, мне бы хотелось прихватить с собой на тот свет парочку-другую этих обезьян!

Я опустил голову, закусил губу и ничего не сказал. Бак не мог чувствовать себя в чем-то неправым. Спустя минуту он снова указал мне на бороздку в гребне.

— Это не так далеко. Однажды я уже перебирался через Чертову Лестницу, так удобнее всего добираться до города Следопытов и даже еще дальше; там все цивилизованно.

— Может быть, вы называете это цивилизацией! — сказал Хендрикс и отвернулся.

— Пойдемте лучше досушиваться.

И в этот момент они напали на нас.

Глава 5

Вопль Хендрикса предупредил меня, но уже в следующее мгновенье кто-то повис на мне, вцепившись в спину. Я закрутился и резким движением сбросил мерзкое создание, успев заметить, что место, где мы стояли, заполнено по кругу белыми телами, покрытыми мехом. Сложив руки рупором, я закричал на единственном диалекте Следопытов, который я знал: — Стойте, остановитесь! Мы пришли с миром!

Один из них закричал, что-то невразумительное и бросился-на меня. Это был другой клан! Я заметил заросшее белой шерстью лицо, почти без подбородка, и короткий кривой нож… Самка! Выхватив кинжал, я стал отражать ее яростные удары. Секунду спустя резкая боль пронзила суставы пальцев на руке — ощущение было такое, будто к ним прикоснулись раскаленным добела железом. Пораненные пальцы разжались, выпустив кинжал. Женщина-Следопыт подхватила его и удрала с добычей, одним гибким движением взлетев на дерево.

Я быстро оглянулся, сжимая здоровой рукой

кровоточащие суставы пальцев, я встретился взглядом с Хастуром, сражавшимся на самом краю уступа с двумя гнусными существами. Сумасшедшая мысль пришла мне в голову. Если они убьют его, весь Дарковер, все как один, поднимутся на Следопытов и вырежут их под корень. И это будет целиком на моей совести.

В этот момент Регис, почувствовав, что слабеет, сделал странное движение пальцами.

В ту же секунду я увидел ярчайшую зеленую вспышку.

Она была похожа на разрыв шаровой молнии с добрый фут в поперечнике. Молния полыхнула прямо в белое мохнатое лицо и, испустив нечеловеческий вопль, царапая ослепшие глаза, отчаянно визжа от страха и боли, существо заметалось, стараясь найти укрытие на дереве. Кто-то из Следопытов протяжно крикнул что-то неразборчивое, и тотчас все они исчезли, растворившись в тени. Райф отпустил им вслед какую-то непристойность, и тут язык голубоватого пламени пронизал как копьем, отступавшую банду. Одного из них отбросило на уступ, и он остался лежать там без движения.

Я подбежал к Райфу, державшему шокер, который до этой поры он скрывал где-то за пазухой.

— Проклятый идиот! — выругался я. — Ты все испортишь…

— Да, но тогда они убили бы его, — кивнул он в сторону Региса. Райф явно не смог понять, чем ян сумел их так обработать. Затем он посмотрел туда, где прятались Следопыты и с презрительной усмешкой спросил: — А ты что же? Мог бы уйти со своими дружками.

Приемом, который, казалось, я давно забыл, я обхватил кисть Райфа и с силой вывернул. Пальцы разжались, я вырвал шокер и перебросил его через уступ.

— Еще слово и ты последуешь за ним, — предупредил я. — Никто не пострадал?

Гэрин ошеломленно моргал, еще не придя в себя после удара. У Региса на лбу была глубокая ссадина, из нее ручейками бежала кровь, стекая по лицу, а у Хьялмара был глубокий порез на бедре. У меня самого пальцы на суставах были разрезаны до кости и рука онемела. Но это были пустяки по сравнению с тем, как досталось Киле, безмолвно лежащей на земле. На ее смертельно-бледном лице было написано страдание.

Мы внесли ее в круг света в палатке и сняли рубашку.

Хендрикс наклонился, осматривая рану.

— Красиво порезано, — сказал он, но я его не слышал.

Что-то внутри меня перевернулось. Как будто чья-то рука сжала мозги…

Джей Элисон огляделся, и внутреннее головокружение сдавило его дыхание. Он был вовсе не в кабинете Форса — он стоял в сомнительной близости от края опасной скалы.

Элисон сильно нахмурился, словно наяву увидел один из самых своих жутких ночных кошмаров, и резко открыл глаза.

Бак Хендрикс стоял совершенно белый. Рот его округлился, и внезапно охрипшим голосом он выдавил из себя:

— Джей! Джей Элисон, доктор Элисон — чтоб мне провалиться!

Медицинское образование сделало реакцию почти непроизвольной. Часть здравого рассудка вернулась к Джею Элисону, и он осознал, что прямо перед ним лежит кто-то полуголый и истекающий кровью. Элисон мотнул головой в сторону и сказал на плохом дарковерском:

— Оставьте нас. Это моя работа.

У него не хватило слов послать их подальше, тогда он, перейдя на терранский, шепнул Хендриксу:

— Бак, сделай так, чтобы они свалили. Дайте пациенту хоть вздохнуть нормально. Где мой саквояж? Он склонился и быстро осмотрел рану, только сейчас увидев, что перед ним женщина, и притом молоденькая.

Рана оказалась поверхностной, но с рваными краями.

Как бы ни был остер инструмент, которым нанесли удар, он повернулся на реберной кости, не дойдя до легочной ткани.

Лучше всего было наложить шов, но Хендрикс передает ему только скверно укомплектованную санитарную сумку. Элисон туго перебинтовал Килу, закрепил бинт эластичным жгутом, предотвращающим кровотечение, и отошел.

К тому времени, как он закончил, странная девушка подала первые признаки жизни. Она зашевелилась и, запинаясь, выговорила: — Джейсон…

— Доктор Элисон, — коротко поправил он ее, не проявив особого удивления. Больше его удивило, что она знала его имя. Хендрикс быстро сказал девушке что-то по дарковеркски, на одном из диалектов, который Джей не понимал, и потянул его в сторону.

— Джей, я не знаю… я не могу поверить… Вы

— доктор Элисон! Господи, Джейсон!

Джей отдавал себе отчет в том, что вышел из этого положения не так браво, как должен был бы. Но, в то же время, у кого бы хватило духу обвинять его в этом, возмущенно думал он, окажись кто-то на его месте? Собирался вздремнуть в тепле и уюте в офисе и, проснувшись, оказался черт знает где, да еще на самом краю отвесной скалы! Рука поранена… Он увидел, что порез еще кровоточит, и для пробы согнул пальцы, пытаясь определить, не повреждены ли сухожилия. Потом резко спросил:

— Так что же здесь произошло?

— Сэр, говорите тише или переходите на дарковерский,

Джей вновь прикрыл глаза. Хендрикс был по-прежнему единственным ему близким существом в этом вселенском круговороте. Космолетчик хрипло сказал:

— Во имя всевышнего, Джей, я ничего не понимаю. Вы действительно тот, кого я знаю уже восемь или девять лет?

Элисон прошипел: — Ну, этот идиот Форс! — к выдавил из себя маленькое ругательство, из тех, что в ходу у комнатных растений вроде него.

Кто-то снаружи грубо крикнул: — Джейсон! — И

Хендрикс быстро зашептал: — Джей, если они вас увидят, то сразу поймут, что вы — это не вы.

— Не обязательно, — Джей оглядел палатку, подпертую в центре жердью. Кто-нибудь еще в курсе?

— Пока нет, — Хендрикс едва не сбил его с мысли. — Я скажу им… одним словом, придумаю что-нибудь.

Он вынул из кармана фонарь, поставил его на пол, взглянув на Элисона в мерцающем свете лампы, и тихо ругнулся себе под нос.

— Вы… вам здесь нормально?

Джей кивнул. Это было все, на что он остался способен.

Его нервы были сжаты в тугой комок, и до момента, когда он начнет сходить с ума, оставалось не так уж много…

Минуту спустя снаружи что-то зашуршало, раздался вежливый кашель, и в палатку вошел человек. В нем за милю чувствовалась дарковерская родовитость, и выглядел он до ужаса знакомым, но Джею никак не удавалось заставить себя вспомнить, где они встречались. Высокий и стройный, он обладал той совершенной утонченной мужественной красотой, что лишь изредка встречалась среди дарковерцев.

Вошедший обратился к Джею довольно бесцеремонно, но с неожиданной учтивостью.

— Я сказал им, чтобы они вас не беспокоили, что с вашей рукой дела обстоят хуже, чем мы предполагали. Руки хирурга — тонкий инструмент, доктор Элисон, и я надеюсь, что с вами не произойдет худого. Вы позволите взглянуть?

Джей Элисон автоматически отдернул руку, но тут же осознал нелепость этого жеста. Незнакомец взял ее и взглянул на пальцы.

— Выглядит не слишком страшно. Я полагал, что все гораздо хуже, — он поднял на Джея серьезные глаза. — Вы ведь даже не помните, как меня зовут, не так ли, доктор Элисон?

— Вы знаете, кто я?

— Доктор Форс ничего не говорил мне. Но мы, Хастуры, отчасти телепаты, Джейсон… извините, доктор Элисон. Я с самого начала знал, что в вас сидит не то Бог, не то дьявол.

— Суеверная чепуха, — огрызнулся Джей. — Типичная дарковерщина.

— Ну, это не более, чем удобный фразеологический оборот, — сказал молодой Хастур, не обратив внимания на грубость. — Полагаю, что я в состоянии был бы изучить вашу терминологию, если бы нашел, что на это следует потратить силы. Я

прошел псих-подготовку и могу заметить, когда у человека одна часть души не в ладу с другой. Возможно, мне удастся возвратить вас вам…

— Если вы думаете, что я позволю какому-то дарковерскому чуду соваться в мои мозги, то… — горячо начал Джей, но остановился.

Под тяжелым взглядом Региса он почувствовал, что его заполняет непривычная покорность.

Его команда нуждалась в лидере, и совершенно очевидно, что он, Джей Элисон, на эту роль не годится.

Он прикрыл глаза рукой, стараясь спрятаться от взгляда дарковерца. Регис нагнулся и сочувственно положил руку на его плечо, но Джей сбросил ее, и его голос, когда он заговорил был резок и холоден:

— Хорошо. Работа есть работа. Мне не сделать того, что может Джейсон. Вы — парапсих, и если вы можете переключить меня, то валяйте, вперед!

Я посмотрел на Региса, водившего рукой перед моим лицом.

— Что случилось? — спросил я, снедаемый тревогой. — Где Кила? Она была ранена…

— С Килой все в порядке, — ответил Регис, но я быстро поднялся, чтобы убедиться самому.

Килу устроили на свернутом шерстяном одеяле. Она пила что-то горячее, опираясь на локоть. В воздухе чувствовался приятный запах горячей пищи.

Взглянув на Регися я поинтересовался:

— Надеюсь я не загнусь от такой царапины? — я осторожно осмотрел глубокий порез.

— Погодите, — удержал меня Регис, — кое-что еще перед тем, как вы выйдете. Доктор Элисон, вы помните, что случилось?

Я взглянул на него с усиливающимся ужасом. Подтверждались мои наихудшие опасения.

— Вы изменились. Вероятно, шок от зрелища… — он остановился на середины фразы, и я сказал: — Последнее, что я помню — кровь на теле Килы, когда мы снимали с нее рубашку. Но, видит Бог, кровь не могла испугать меня, а Джей Элисон — хирург и наверняка всякого навидался.

— На это я вам ничего сказать не могу, — у Регися был такой вид, словно он знал больше, чем сказал. — Я не думаю, чтобы доктор Элисон… он не слишком похож на вас… был слишком озабочен Килой. А как вы?

— Какого черта? Я хочу убедиться, что с ней все в порядке, — я внезапно замер. — Регис, они все видели это?

— Только Хендрикс и я, — сказал Регис, — но мы будем молчать.

— Спасибо, — задумчиво проговорил я и ощутил его молчаливую успокаивающую поддержку. — Черт, кем-бы он ни был — полубогом или князем, он мне нравится.

Я вышел, зачерпнул немного из котелка и сел между Килой и Хендрисом. Несмотря ни на что, я отдавал себе отчет в том, что мы не можем здесь задерживаться. Здесь мы были все так же уязвимы. Итак, в каком положении мы оказались?

Если мы сможем двигаться достаточно быстро, то уже сегодня вечером будем рядом с Даммерунгом, и тогда завтра сможем перейти его еще до восхода солнца. Днем снег нагревался, и всегда был шанс попасть под лавину. Да и топать по талому снегу удовольствие небольшое. Выше Даммерунга были соплеменники и я смог бы объясниться на их языке.

Пока я все это прокатывал в голове, Хендрикс с сомнением посмотрел на Килу.

— Сможет ли она подниматься?

— А остаться? — возразил я, но все же подошел к ней и присел рядом. как ваша рана? Продолжать подъем сможете?

Она свирепо сверкнула глазами.

— Естественно смогу! Я уже сказала вам, я не слабосильная девчонка, я Свободная Амазонка.

Она отшвырнула одеяло, которое кто-то накинул ей на ноги. Ее губы слегка сжались, но широкий шаг был устойчив, когда она подошла к огню и налила еще супа.

Мы свернули лагерь в считанные минуты. Самки Следопытов подхватили почти все, что можно было легко унести, и не было смысла разбирать палатку — они вернутся и отыщут ее. Если мы вернемся в сопровождении Следопытов, у нас эти проблемы отпадут.

Я приказал своим людям оставить все, кроме самого легкого, и проверил каждый, из оставшихся рюкзаков. Запас провизии на ночь — мы израсходуем его уже в ущелье, несколько оставшихся грубых одеял, мотки веревки, солнцезащитные очки. Все остальное я приказал оставить.

На этот раз было похуже, чем все, что было до этого.

Прежде всего, солнце уже заходило, и ветер был холодный, как лед. Почти у каждого из нас было по несколько ран (пусть не тяжелых), которые здорово мешали на подъеме.

Кила была бледна как мел, но не щадила сил. Хендрикса мучила горная болезнь, и мне прихо-

дилось помогать ему.

Правда, онемевшая от удара раненая рука не позволяла себя натруждать.

Это была широкая отвесная скала, в сравнении с которой мы походили на крохотных насекомых, цепляющихся конечностями за неровности камня. Я гордился, что первый веду здесь людей.

К тому времени, как мы поднялись на тридцатифутовую стену и карабкались вдоль уступа, где мы могли вновь напасть на след, я почувствовал, что мне пора смениться. Когда все подтянулись, я поменялся местами с Леррисом, державшимся лучше, чем самый профессиональный альпинист. Он тихонько произнес:

— Мне показалось, вы сказали, что был след?

Я растянул рот в том, что, как я полагал, можно было назвать усмешкой, но не вполне справился с этим.

— Для Следопытов это слишком высоко. И ни один из них еще не ходил этим путем.

Сейчас мы медленно перебирались через снега. Раз или два мы пробарахтывались сквозь сугробы, а затем короткая сильная вьюга минут на двенадцать лишила нас зрения. И мы, схватившись друг за друга, пережидали ее, борясь с ветром и ледяным дождем со снегом.

Этой ночью мы остановились в расселине, почти не занесенной снегом, высоко над линией деревьев, где были только низкорослые шипастые кустарники. Мы срубили часть из них и свалили в кучу, чтобы как-то защититься от ветра, и улеглись под ними. Все мы с сожалением вспоминали уют прежнего лагеря, покинутого нами.

Эта ночь осталась в моей памяти, как одна из самых жутких. Если не считать звона в ушах, высота совершенно не волновала меня, но другие переносили ее не так хорошо. У нескольких человек была сумасшедшая головная боль, рана Килы, должно быть, доставляла ей страшные неудобства, а Хендрикса одолела горная болезнь в самой страшной и мучительной форме сильные судороги и тошнота. Я был доведен до отчаяния всем этим, но ничего не мог поделать.

Единственным средством был кислород или более высокое давление, но это было не в моих силах…

Под пронизывающим ветром, тесно прижавшись друг к другу, мы согревались теплом тел, укрывшись одеялами.

Перед тем, как пристроиться сбоку от Хендрикса, я огляделся и увидел девушку, улегшуюся чуть

в стороне от остальных. Я собрался позвать ее, но Хендрикс меня опередил.

— Ползи сюда, девочка. — И добавил холодно, но не безразлично, — и пусть тебя не беспокоит всякая чепуха.

Кила коротко усмехнулась, и я понял, что она решила, что безнадежно объяснить что-либо этому здоровяку, который так безнадежно туп во всем, касающемся дарковерского этикета. Но голос ее был холоден и отрывист.

— Она меня не беспокоит, — и распутала тяжелую накидку перед тем, как вползти в наше гнездо из одеял.

Ее мышцы были сведены судорогой, она была холодная, как ледышка, несмотря на одеяло, которое укутывало ее.

Мы были притиснуты друг к другу, и голова Килы покоилась на моем плече. Сквозь полудрему я почувствовал, как она в поисках теплого места свернулась калачиком и прижалась ко мне. Я вдруг отчетливо осознал, что чувствую ее близость, причем, как ни странно, с благодарностью. Обычная женщина стала бы протестовать, хотя бы для вида, делить одеяло с двумя чужеземцами. Но в то время я понимал, что если бы Кила отказалась залезть к нам, она тем самым обратила бы

гораздо больше внимания мужчин на свой пол.

Она конвульсивно вздрагивала, и я прошептал:
— Бок болит? Тебе холодно?

— Немного. С тех пор, как я была в таких высотах, прошла уйма времени. Но вот что у меня из головы не выходит. Эти женщины…

Хендрикс закашлялся, неловко дернувшись:

— Я не пойму, эти создания, что на нас напали — они что, все бабы?

Я объяснил: — Среди Людей Неба, как и повсюду, рождается больше женщин, чем мужчин. Но Следопыты так регулируют свою жизнь, что у них нет свободного пространства в Гнезде для лишних женщин. Так, когда девочка, по их меркам, достигает зрелости, другие женщины вышвыривают ее из города пинками, и она бродит в лесах, пока какой-нибудь мужчина не предъявит на нее свои права и не приведет ее с собой. Тогда ее не могут никуда выслать, хотя, если она не рожает детей, ее могут сделать прислугой остальных его жен.

Хендрикс издал возглас возмущения.

— Вы думаете, это жестоко? — спросила Кила с неожиданной страстью. — Но ведь в лесу они могут жить и находить себе пищу. Они не умрут голодной смертью. Многие из них предпочитают

лес жизни в Гнезде. И они прогонят любого мужчину, подошедшего слишком близко к ним. Мы, кто называет себя «гуманистами», зачастую не делаем для наших женщин даже этого.

Она замолчала, вздохнув с затаенной болью. Хендрикс ничего не ответил, лишь как-то неопределенно хмыкнул.

Некоторое время я пытался собрать все свои силы и забыть, что рядом лежит женщина, после чего сказал:

— Давайте прекратим разговоры. В отличие от нас, другие хотят спать.

Через некоторое время я услышал храп Хендрикса и спокойное дыхание Килы. Я сонно прикинул, что стал бы чувствовать Джей в подобной ситуации. Он, который ненавидел Дарковер и избегал всяких контактов с нелюдями — он лежит между Свободной Амазонкой из Дарковера и полдюжиной вообще не поймешь кого.

Мне пришлось отказаться от этих мыслей из опасения, что это может как-то пробудить доктора Элисона в наших с ним мозгах. Но надо было о чем-то думать, лишь подавить сознание того, что ее голова покоится на моей груди, ее дыхание щекочет мою шею. Лишь немалым усилием воли я не дал своим рукам скользнуть на ее груди, теп-

лые и хорошо ощутимые под теплым свитером.

Удивительно, почему это Форс назвал меня недисциплинированным? Я не смел рисковать своим лидерством, совершая поползновения на нашего наемного проводника, женщину, Амазонку, или кто она там.

Каким-то образом девушка превратилась в точку, на которой концентрировались все мои мысли. Она была не из штата Терранской штабквартиры, она не принадлежала к тому миру, который мог знать Джей Элисон. Она полностью принадлежала Джейсону, моему миру. Я погрузился в грезы — как я преследую, скользя по древесным тропам, отдаленную фигурку девушки, изгоняемой из Гнезда воплями и проклятиями. Где-то в листве я нахожу ее, и мы возвращаемся в город, голова ее увенчана красными листьями избранницы, и те же женщины, кто бросал ей вдогонку камни, окружают ее и приветствуют. Изгнанница глядит через плечо глазами Килы, затем женские очертания расплываются, и между нами на тропе стоит доктор Форс, а древняя эмблема на его куртке, как красный жезл. Хендрикс в своей униформе угрожает нам бластером, а Регис Хастур тоже вдруг оказался в форме Космической Службы и говорит:

"Джей Элисон, Джей Элисон". А древесная тропа раскалывается и рушится у нас под ногами, и мы летим с водопадом, все вниз, вниз…

— Проснитесь! — прошептала Кила и пихнула меня локтем. Я открыл глаза, вздохнул вслед исчезающему кошмару — В чем дело?

— Вы стонали. Горная болезнь?

Я хмыкнул, обнаружив, что моя рука обнимает ее плечо, и быстро выдернул ее. Вскоре я вновь спал, но на этот раз, как убитый.

Перед тем, как рассвело, мы расползлись от бивуака, вялые, скукоженные и неотдохнувшие, но готовые отправляться в путь. Снег был тверд, свет тускл, и здесь идти было нетрудно. После всех проблем, которые встретились нам на нижних склонах, мне думается, даже самые лихие из нас утратили желание подниматься с риском; все мы были крайне рады, что сам переход через Даммерунг был монотонный и лишенный происшествий.

Солнце только взошло, когда мы подошли к перевалу, и мы стояли некоторое время, тесно сбившись в узком ущелье между крутыми склонами.

— Хотелось бы мне, чтобы мы на них взошли, — Хьялмар не сводил с вершины жадного взгляда.

Регис сочувственно улыбнулся ему.

— Когда-нибудь… я даю тебе слово Хастура, что ты тоже будешь в этой экспедиции.

Глаза великана засияли. Регис повернулся ко мне, сказал с теплотой: А как вы, Джейсон? По рукам? Взойдем на них вместе на будущий год?

Я улыбнулся было в ответ, но тут во мне взъярился какой-то черный дьявол. Когда все это кончилось, я вдруг понял, что меня здесь не будет. Меня нигде не будет. Я был суррогатом, подделкой, осколком Джея Элисона, и когда это все закончится, Форс и его тактика заставят меня вернуться туда, где, по их мнению, мое место — то есть никуда. Больше я никогда не совершу восхождения; да и сейчас это позволила мне крайняя необходимость. Я установил губы в непривычно тонкую линию и сказал:

— Мы поговорим об этом, когда вернемся. Если вернемся. А сейчас я предлагаю отправляться. Некоторым из нас лучше будет на меньших высотах.

Спуск с Даммерунга по ущелью, в отличии от подъема, был свободен и хорошо отмечен. И мы сошли по склону, сделав всего один переход. Как только туман рассеялся, и мы оставили позади снеговую линию, мы увидели нечто, похожее на

огромный зеленый ковер, пересыпанный разноцветными блестками. Я указал на него.

— Верхушки деревьев Леса Гнезда, а полосы, которые вы видите, это улицы Города Следопытов.

Часовая прогулка привела нас на край леса. Мы теперь шли быстро, забыв о своей слабости, стремясь добраться до города засветло. В лесу было тихо, как-то угрожающе спокойно. Вверху, где-то среди толстых ветвей, которые скрывали солнечный свет, находились перекрестки древесных троп, и вновь и вновь я слышал какой-то хруст, фрагмент звука, голос, обрывок песни.

— Тут так темно, — пробормотал Райф, — любой житель этого леса должен жить в кронах деревьев, или он полностью ослепнет, — Странно тут как-то, сказал с любопытством Регис, и пока мы шли по мшистому лесному пути, я рассказал ему кое-что из жизни Следопытов. Я утратил страх. Если ктонибудь сейчас предстанет перед нами, я заговорю с ним на его языке. Я назову себя, скажу о своем деле, напомню своих лесных родителей. Часть моей уверенности передалась и остальным. Но когда территория стала еще более знакомой, я внезапно остановился и шлепнул себя по лбу.

— Я знал, что мы что-то забыли, — сказал я. — Я

слишком давно здесь не был, вот в чем дело, Кила!

Девушка объяснила сама, в своей невыразительной манере.

— Я самка без хозяина, — сказала она. — Такие не допускаются в Гнездо.

— Тогда все просто, — сказал Леррис. — Она должна принадлежать одному из нас. Он не добавил больше ни звука: дарковерские аристократы не берут женщин в такие путешествия, да их женщины и не похожи на Килу. Поэтому все были удивлены.

Трое братьев образовали шеренгу добровольцев, и Райф сделал недвусмысленное предложение. Кила выразительно скривилась, рот ее сжался, что безошибочно можно было принять за признак ярости.

— Вы верите, что я нуждаюсь в вашем покровительстве…

— Кила, — сказал я хрипло, — под моим покровительством. Она будет представлена, как моя жена.

Рот Райфа растянулся в невеселую улыбку:

— Я вижу, что лидер прибрал все лучшее для себя.

Должно быть с моим лицом произошло что-то,

чего я не понял, потому что Райф медленно отошел назад. Я заставил себя говорить спокойно.

— Кила — проводник и незаменимый. Если что-нибудь случится со мной, только она сможет привести вас обратно. Следовательно ее безопасность — мой долг. Понятно?

По пути слабое свечение растаяло.

— Мы как раз под городом Следопытов, — сказал я шепотом и показал вверх. Повсюду вокруг нас вздымались Столетние Деревья, стволы без ветвей, столь огромные, что четверо людей, соединив руки, не могли образовать полный круг. Они простирались вверх почти на триста футов, а там уже сплетали невообразимые свои сучья, выше уже ничего не было видно, царила полная мгла.

Но внизу не было темно, потому что удивительно ярко фосфоресцирующие грибы, растущие на стволах, формы имели самые причудливые. В прозрачные тенетах гудели огромные, величиной с руку, насекомые.

На моих глазах, Следопыт, совершенно голый, если не считать причудливого головного убора и узкой повязки вокруг бедер, спустился с дерева. Он перебирался с паутины на паутину и кормил светляков кусками светящихся гнилушек, кото-

рые доставал из корзины.

Я окликнул его на его языке, и он с восклицанием выронил корзину; паучье тело напряглось, готовое взлететь по стволу и поднять тревогу.

— Но я принадлежу Гнезду, — крикнул я ему, и назвал своих приемных родителей. Он приблизился ко мне, схватил мою кисть теплыми длинными пальцами в жесте приветствия.

— Джейсон? Да, я слышал, они говорили о тебе, — сказал он мягким вибрирующим голосом. — Ты дома. Но остальные… — он нервно указал на лица пришельцев.

— Мои друзья, — заверил я его. — И мы просим о встрече Старого. На эту ночь я хотел попросить родителей о приюте, если они согласятся принять нас.

Он поднял голову и тихо позвал, с дерева соскользнул ребенок и взял корзину. Следопыт сказал: — Я Каррхо. Пожалуй, лучше будет, если я сам провожу тебя к приемным родителям, чтобы тебя не задержали.

Я вздохнул свободней. Я не узнал Каррхо, но он выглядел удивительно знакомым. Провожаемые им, мы один за другим поднялись по темной лестнице в стволе дерева и вошли на яркую площадку, затемненную верхними листьями, в

тонкие зеленые сумерки. Я чувствовал усталость и облегчение.

Хендрикс осторожно ступил на раскачивающуюся вздрагивающую площадку. Она слегка проседала при каждом шаге, и Хендрикс уныло ругался на языке, который, к счастью, понимали только я и Райф. Любопытные Следопыты высыпали на улицу и щебетали приветственно и удивленно.

Райф и Хендрикс выразили откровенное презрение, когда я страстно приветствовал своих приемных родителей.

Они уже состарились, и это меня опечалило. Мех поседел, крепкие пальцы рук и ног скрючились от ревматизма, красноватые глаза были тусклыми и подслеповатыми. Они были рады мне и отдали распоряжение, чтобы мои спутники были размещены в покинутом доме поблизости. Они настаивали, чтобы я вернулся под их крышу, и Кила, разумеется, приглашалась со мной.

— Не могли бы мы поставить лагерь на земле? — спросил Хендрикс, неприязненно разглядывая необычное жилище.

— Так предложено хозяевами, — ответил, я. Я в этом жилье ничего не видел плохого. Крыша из плетеной коры, ковер мха на полу, — гнездо

выглядело заброшенным, здесь было сыро, но можно было уберечься от непогоды.

Первое, что было нужно сделать, это отправить посланника Старому, спросить об аудиенции. Это я сделал, послав одного из моих названных братьев, после чего была трапеза из почек, сот насекомых и птичьих яиц; мне это было привычно, из остальных же только Кила ела с аппетитом и Регис Хастур проявлял заинтересованность.

Когда правила гостеприимства были соблюдены, приемные родители спросили имена моих спутников, и я представил их одного за другим. Когда я назвал Региса Хастура, это вызвало у них короткое молчание, затем возглас, правда вежливый. Они настаивали на том, что их кров недостоин сына Хастура, что его следует немедленно отвести в Королевское Гнездо Старого.

Для Региса не было способов отклонить предложение, не обидев хозяев, и когда вернулся посланник, он уже был готов идти с ним. Но прежде, чем уйти, он отвел меня в сторону.

— Мне не очень нравится вас покидать…

— Вы будете в достаточной безопасности.

— Не это меня тревожит, доктор Элисон.

— Зовите меня Джейсон, — поправил я сердито. Регис сказал, сжав рот: Хорошо. Но завтра, когда

вы станете рассказывать Старому о своей миссии, вам надо быть доктором Элисоном… Но и Джейсоном, которого он знает, вам тоже надо быть…

— Что…

— Хотелось бы мне вас не покидать. И хотелось, чтобы вы были рядом с теми людьми, которые вас знают, как только Джейсона, но не один. Только, чтобы с вами была не Кила.

Что-то странное было в его лице, и я задумался над этим.

Может ли Хастур ревновать Килу? Ревновать ко мне? Мне никогда не приходило в голову, что его может чем-то привлекать Кила. Я попытался свести это к шутке.

— Кила может дать мне отказ.

Регис сказал без выражения: — Хотя прежде она уже встречала доктора Элисона, затем неожиданно он засмеялся. — Или, может быть, вы правы. Может быть, Кила откажет доктору Элисону, если он покажется.

Глава 6

Угольки гаснущего костра отбрасывали непривычные оттенки на лицо Килы. На ее плечи и широкие волны темных волос. Сейчас, когда мы были одни, я чувствовал напряжение.

— Не спится, Джейсон?

Я покачал головой.

— Надо спать, пока есть возможность.

Я боялся, что если в эту ночь сомкну глаза, то проснусь Джеем Элисоном, которого я ненавидел. В мгновение я увидел комнату глазами Джея: для него она не была жилой и чистой, но, в сравнении со стерильными терранскими комнатами и коридорами — грязной, антисанитарной, как звериное логово.

Кила сказала задумчиво: — Вы странный человек, Джейсон. Что вы за человек? Из мира Терры?

Я рассмеялся, но веселья в моем смехе не было. Внезапно я стал рассказывать ей всю правду.

— Кила, человека, которого вы знаете, как меня, не существует. Я был создан специально для этой задачи. Ее решение будет мои концом.

Она была изумлена, глаза ее широко раскрылись.

— Я слышала легенды о терранцах и их науках, что они создают ненастоящих людей, из металла, а не из плоти и крови…

Не давая распространиться дальше этому наивному ужасу, я быстро протянул перевязанную руку, взял ее пальцы в свои и пожал.

— Они металлические? Нет, Кила. Но человека, которого вы знаете, как Джейсона, не будет, я буду кем-то иным… — Как я мог объяснить Киле о подавленной личности, когда сам мало что понимал в этом?

Она мягко вытащила пальцы и сказала: — Я видела, как кто-то другой однажды глядел на меня вашими глазами. Призрак.

Я бешено затряс головой,

— Бедный призрак, — прошептала она.

Жалость. Я в ней не нуждался.

— То, о чем я помню, я не жалею. Возможно, вас я даже не вспомню, — но я лгал. Я знал, что хотя забыл все остальное, я не смогу похоронить в памяти эту девушку, до самого конца мой призрак будет влачить эту ношу. Я глядел через огонь на Килу, которая сидела, скрестив ноги. Она сняла свою бесполую верхнюю одежду, и под

ней оказалось белье, простенькое, как детская распашонка, но удивительно притягательное. Из-под белья выглядывал краешек повязки, и случайное воспоминание, не мое, навело на мысль, что если края раны сойдутся неправильно, будет заметный шрам. Заметный для кого?

Она призывно протянула руку.

— Джейсон… Джейсон…

Самообладание покинуло меня. Я чувствовал себя так, как если бы стоял под огромным звучным сводом камеры, которая была мозгом Джея Элисона, крыша была готова обрушиться на меня. Образ Килы замерцал и растаял, — вначале она была отчетливой и манящей, а затем — словно я видел ее не с того конца телескопа.

Ее руки сомкнулись на моих плечах. Я поднял ладонь, чтобы оттолкнуть ее.

— Джейсон, — взмолилась она. — Не… не отказывайся от меня так. Поговори со мной, расскажи!

Но ее слова проходили ко мне сквозь пустоту — я знал, что завтра во время встречи произойдут важные события, и Джейсон один будет на этой встрече, куда терранцы послали его сквозь этот ад и пытки неведомо зачем… Ах да, лихорадка Следопытов…

Джей Элисон стряхнул руки девушки и свирепо зарычал, пытаясь собраться с мыслями и сконцентрировать их на том, что ему предстояло сказать и сделать, чтобы убедить Следопытов выполнить свой долг по отношению к другим обитателям планеты. Как будто эти… нелюди способны испытывать чувство долга.

Испытывая непривычный прилив чувств, он задумался об остальных. Хендрикс… Джей знал в точности, зачем Форс послал большого надежного космонавта вместе с ним.

А этот красивый утонченный дарковерец — кто он? Джей удивленно посмотрел на девушку — он не хотел, чтобы открылось, что он не до конца отдает себе отчет в том, что говорит и делает, или что он помнит, хотя бы отчасти, Джейсона.

Он хотел уже спросить: "Что здесь делает дитя Хастура?", но тут логика сказала, что столь важный гость с почетом должен быть принят Старым. Затем нахлынула волна отчаяния: Джей понял, что он даже не может говорить на языке Следопытов, что тот полностью вылетел у него из головы.

— Вы… — он выудил имя девушки — Кила, вы умеете разговаривать на языке Следопытов?

— Несколько слов. Не больше. А что? — она

отступила в угол крошечной комнаты — но все же недалеко от него — и он вяло подумал, что еще натворило это проклятое "альтер это". Но с Джейсоном было не поговорить. Джей поднял глаза, меланхолично улыбаясь.

— Сядьте, дитя. Вам не следует пугаться…

— Я… я пытаюсь понять. — Девушка вновь прикоснулась к нему, очевидно, стараясь справиться с ужасом. — Это не просто — когда вы на моих глазах превратились в кого-то другого… — Джей увидел, что она дрожит от страха.

Он сказал устало:

— Я не намерен превратиться в летучую мышь и улететь. Я всего лишь бедный дьявол — доктор, который дал себя втянуть в нечистое дело, — не было причины, думал он, демонстрировать свое ничтожество и отчаяние, крича на этого несчастного ребенка. Бог знает, что там у нее было с этим "вторым я" — Форс признал, что этот проклятый Джейсон был бы сосредоточением всех нежелательных качеств, с которыми он боролся всю жизнь. Усилием воли он не дал себе сбросить ее руку с плеча.

— Джейсон, не… исчезайте! Подумайте! Попробуйте удержаться!

Джей обхватил голову руками. В тусклом свете

жилища она, очевидно, не заметила перемены, происшедшей с ним.

Видимо, она считает, что разговаривает с Джейсоном. Она не выглядит слишком сообразительной.

— Подумайте о завтрашнем дне, Джейсон. Что вы им скажете? Подумайте о своих родителях…

Джей Элисон подумал о том, что они скажут, когда обнаружат в нем чужого. Он чувствовал себя чужим. Хотя он должен прийти в этот дом и говорить — он отчаянно копался в памяти в поисках хотя бы осколков языка Следопытов.

Будучи ребенком он говорил на нем. Он должен вспомнить, чтобы говорить с женщиной, которая была ему доброй матерью. Он попытался изобразиться на губах непривычные артикуляционные формы…

Джей вновь закрыл лицо ладонями. Джейсон был той его частью, которая помнила Следопытов. Вот что ему надо помнить: Джейсон не чужой ему, не захватчик тела. Джейсон — утраченная его часть и необходимая. Если он был только один способ вернуть память Джейсона, его сноровку, не утратив при этом себя… Он сказал девушке:

— Дайте подумать. Дайте…

Неожиданно для него самого голос сорвался

вдруг на чужой язык.

— Оставьте меня одного.

Быть может, подумал Джей, я могу остаться собой, если смогу припомнить остальное. Доктор Форс сказал Джейсону, что он может помнить о Следопытах без любви но и без неприязни.

Джей поискал в памяти и не нашел ничего, кроме привычного расстройства. Годы, проведенные на чужой земле, вдали от человеческого убежища, одиночество и тоска.

"Отец меня покинул. Он упал с самолета, и я никогда больше его не видел. И я ненавижу его за то, что он покинул меня..." Но отец не покинул его. Он разбил самолет, пытаясь спасти их обоих. Ничьей вины тут нет...

"Кроме отца. Потому что он пытался перелететь через Хеллеры, где никто из людей..." Он не принадлежит этому миру. Хотя Следопыты, о которых он думал ненамного лучше, чем о диких зверях, приняли чужого ребенка в свой город, в свои дома, в свои сердца. Они любили его. А он...

— И я любил их. — Я обнаружил, что говорю почти вслух, затем обнаружил, что Кила схватила меня за руку, изучающе глядя мне в лицо. Я потряс головой.

— В чем дело?

— Вы меня напугали, — сказала она дрожащим голоском, и я вдруг понял, что случилось. Я затрясся от свирепой ненависти к доктору Элисону. Он даже малой толики того, что могу сделать я, не может сделать, но все же исхитряется выползти из мозга. Как он, должно быть, меня ненавидит! Но будь я проклят, если хотя бы наполовину так, как я его. Он чуть ли не до смерти запугал Килу!

Она стояла на коленях, совсем рядом, и я понял, что есть только один способ разогнать холод, который оставила после себя эта мороженая рыба, заставив его опять провалиться в тартарары. Это человек, который ненавидит все, что не является миром холода, в котором он решил провести свою жизнь. Лицо Килы было поднято, оно было нежное, настойчивое, молящее, и внезапно я потянулся к ней и прижал ее к себе, и с силой поцеловал.

— Мог это сделать призрак? — спросил я. — Или это?

Она прошептала: — О нет, — и ее руки сомкнулись на моей шее. И я повалился на сладко пахнувший мох, устилавший пол. Я чувствовал, как тает моя вторая половина, растворяется и исчезает.

Регис был прав, тут был только один путь.

Старый был вовсе не стар — титул являлся исключительно церемониальным. Этот был молод — не старше меня — но обладал достоинством и величавостью, и тем же странным неуловимым качеством, которое я заметил в Хастуре.

Было что-то, как мне показалось, что утратила Терранская Империя, когда перебиралась со звезды на звезду — чувство собственного положения, достоинство, — которое никогда не требовало выражения, потому что никогда не покидало тебя.

Как у всех Следопытов, у него было лицо без подбородка и уши без мочек, тело с густой шерстью, которое выглядело слегка нечеловеческим. Он говорил очень тихим голосом — все Следопыты обладают утонченным слухом — и я должен был напрягать слух и помнить о том, что следует сдерживать голос.

Он протянул мне руку, и я склонил над ней голову и прошептал: Выражаю тебе покорность, Старый.

— Не будем об этом, — пробормотал он тихим щебечущим голосом. — Садись, сынок. Мы рады тебе, но чувствуем, что ты сомневаешься в нашем доверии к тебе. Мы отпустили тебя к твоему народу, потому что чувствовали, что с ними ты будешь счастливее. Неужели мы были недобры к

тебе, что спустя столько лет ты вернулся к нам с вооруженными людьми?

Порицание в его глазах было несомненным, и я сказал беспомощно:

— Старый, люди, пришедшие со мной, не вооружены. На нас напала банда тех, кому нельзя в городе, и мы защищались. А столько людей сопровождает меня потому, что я не ходил этим путем в одиночку.

— Но это не объясняет, почему ты вернулся, — укор в его голосе ощущался явно.

Наконец я сказал: — Старый, мы пришли, как просители. Мой народ умоляет твой народ в надежде, что ты... — я хотел было сказать: "будешь человечен", — что ты будешь добр с нами всеми, как со мной.

Лицо его ничего не выражало.

— О чем ты просишь?

Я объяснил. Я рассказал плохо, запинаясь, путаясь в медицинских терминах, зная, что они не имеют эквивалентов на языке Следопытов. Он слушал вновь и вновь задавая задумчивые вопросы. Когда я упомянул обещание терранского Легата признать независимое и сепаратное правительство Следопытов, он нахмурился и перебил меня:

— Мы, Народ Неба, не имеем сношений с терранцами, и нам ни к чему их признание.

На это у меня не было ответа, и Старый продолжал добродушно, но и безразлично:

— Нам не хотелось бы думать, что лихорадка, которой у нас болеют маленькие дети, уничтожает столько жизней. Но вы не можете упрекать нас в этом с чистой совестью. Вы не можете сказать, что мы распространяем болезнь: мы никогда не переходим через горы. Разве мы повинны, что сменяются ветры, и луны сходятся на небе? Когда людям приходит время умирать, они умирают, — он простер руки отпуская меня. — Я дам тебе людей, они проводят вас до реки, Джейсон. Не возвращайся.

Неожиданно Регис Хастур встал и поглядел ему в лицо,

— Ты выслушаешь меня, отец? — он без промедления использовал церемониальный титул, и Старый сказал раздраженно: — Сын Хастура никогда не должен обращаться как проситель, к Небесному Народу.

— Тем не менее, выслушай меня как просителя, отец, спокойно произнес Регис. — Тебя просят не чужеземцы с Терры. Мы узнали одну вещь от пришельцев с Терры, о которой ты еще не узнал.

Я молод, и это не дает мне права учить тебя, но ты говоришь: "Разве мы повинны, что луны сходятся на небе?" Нет. Но мы узнали от терранцев, что луны не надо винить и в нашем собственном ничтожестве на путях Господних — под которыми я подразумеваю болезни, власть и ничтожество.

— Странные слова в устах Хастура, — сказал Старый неодобрительно.

— Странные времена для Хастура, — громко сказал Регис. Старый поморщился, и Регис сбавил тон, но продолжал непоколебимо. — Ты винишь Луны в небе. Я говорю, что ни луны, ни ветры, ни богов винить нельзя. Боги насылают эти беды на людей, чтобы испытать их веру и узнать, способны ли они. справиться с ними.

Темя Старого вздернулось, и он произнес с сожалением: — Неужели это королевский отпрыск, которого люди сегодня называют Хастуром?

— Человек, Бог или Хастур, я не слишком горд, чтобы не молить за свой народ, — парировал Хастур, загораясь яростью. — Никогда такого не было в истории Дарковера, чтобы Хастур стоял перед одним из вас и умолял…

— За людей из чужого мира.

— За всех людей моего мира! Старый, я мог сидеть и править в Доме Хастуров, но я предпочел

узнавать новое у новых людей. А у терранцев есть чему поучиться, даже Хастурам, и они знают, как найти средство против лихорадки Следопытов, — он оглянулся на меня, вновь представляя мне слово, и я сказал: — Я не чужеземец из другого мира, Старый. Я был сыном в твоем доме, возможно, я послан к тебе, чтобы научиться бороться с обреченностью.

Я вдруг перестал сознавать, что делаю, пока не оказался на коленях. Я взглянул в резкое, спокойное, отсутствующее лицо нечеловека.

— Мой отец, — сказал я, — вы вытащили умирающего мужчину и умирающего ребенка из горящего самолета. Даже люди из их расы могли ограбить их и оставить умирать. Вы спасли ребенка, усыновили его и воспитали, как своего. Когда он достиг возраста, когда становился несчастливым среди вас, вы позволили дюжине своих людей рискнуть жизнями и вернуть его к своим. Вы не можете уверить меня, что безразлично относитесь к судьбе миллионов людей моего народа, если судьба одного вызвала у вас жалость.

Последовало недолгое молчание.

Наконец Старый сказал:

— Безразлично — нет. Но мы бесполезны. Мой

народ умирает, когда спускается с гор. Воздух для нас слишком насыщен. Еда не та. Свет слепит, мучит. Могу ли я отправить на страдание и смерть тех, кто зовет меня Отцом?

И память, захороненная в течение всей жизни, внезапно поднялась на поверхность. Я сказал настойчиво:

— Послушайте, отец, в мире, в котором я живу, я слыву мудрым человеком. Вы можете мне верить или нет, но выслушайте: я знаю ваших людей, это мой народ. Я помню, что когда я покинул вас, более дюжины моих друзей вызвались, зная чем рискуют, идти со мной. Я был ребенком. Я не понимал, какую жертву они приносят. Но я видел, как они страдают, когда мы спускались с гор, и я решил… — я выговаривал слова с трудом, словно пробивался сквозь барьер, — что раз другие страдают из-за меня, я проведу свою жизнь, избавляя других от мук. Отец, терранцы называют меня мудрым доктором, человеком искусным. Среди терранцев я могу проследить, чтобы мои люди, если они придут к нам и помогут нам, имели воздух, которым они могут дышать, и пищу, которая им подходит, и чтоб их берегли от света. Я прошу об одном — скажи своим сынам, что я сказал тебе. Если я знаю ваш народ который и мой навсегда

— сотни из них вызовутся сопровождать меня. И ты будь свидетелем моей клятвы: если один из твоих сынов умрет, твой чужой сын ответит за это своей жизнью.

Слова лились из меня потоком. Они не все были мои: что-то подсознательно подсказывало мне, что такие обещания мог давать Джей Элисон. Впервые понял я, какая сила, какая вина оттолкнули Джея Элисона от меня. Я был у ног Старого, на коленях, пристыженный. Джей Элисон стоил десяти таких, как я. Неотвратимость, сказал Форс. Утрата цели, равновесия. Какое право я имел презирать свое несчастное «я»?

Наконец я почувствовал, что Старый коснулся моей головы.

— Встань, сын мой, — сказал он. — Я спрошу свой народ. И прости меня за сомнения и отказ.

В течение минуты ни я, ни Регис не разговаривали после того, как мы вышли из приемной комнаты. Затем, почти одновременно, мы повернулись друг к другу. Регис сказал первым: — Это лучшее, что вы сделали, Джейсон. Я не верил, что он согласится.

— Это ваша речь сделала дело, — сказал я. Серьезное настроение, непривычный наплыв чувств еще оставались во мне, но уступали место

спаду экзальтации. Черт побери, я это сделал! Попробовал бы это сделать Джей Элисон!

Регис оставался мрачным.

— Он отказывался, но вы обратились к нему, как один из них. Хотя это не совсем так — это что-то большее… — Регис быстро обнял меня за плечи и вдруг воскликнул. — Думается, терранская медицина сыграла с вами дьявольскую шутку, Джсйсон! И даже если она спасет миллионы жизней — трудно простить ей такое!

Глава 7

На следующий день Старый созвал нас вновь, и сказал нам, что сто человек вызвались пойти с нами и стать донорами крови и объектами экспериментов для борьбы с лихорадкой Следопытов.

Переход через горы, совершенный с такими мучениями, в обратную сторону был легче. Наш эскорт из ста Следопытов оберегал нас от нападения, и они могли выбирать легкие пути.

Сразу же после того, как мы совершили долгий спуск к подножиям гор, Следопыты, — непривычные к путешествиям по земле в любое время и страдающие от непривычно малой высоты, начали слабеть. В то время, как мы становились сильнее, все больше и больше их выбивалось из сил, и наш путь замедлялся. Даже Хендрикс не мог остаться равнодушным к «животным-людям» к тому времени, когда мы достигли места, где оставили вьючных лошадей. И это Райф Сотт, а не кто другой, подошел ко мне и сказал в отчаянии: "Джейсон, эти бедные ребята могут так и не дойти до Карфона. Леррис и я знаем эту страну. Позвольте нам пойти вперед, насколько можно

быстрее, и потребовать в Карфоне встречный транспорт — может быть, мы выбьем самолет.

Мы сможем послать из Карфона сообщение, чтобы в нашей терранской штаб-квартире готовились к встрече.

Я был удивлен и чувствовал легкую вину, что не подумал об этом сам. Я скрыл ее за иронией: — Я думал, вы палец о палец не ударите ради "моих друзей".

Райф сказал виновато: — Думаю, я в этом был неправ. Они пошли за нами из чувства долга, а это заставляет меня думать о них совершенно по-другому.

Регис, услышавший, как Райф излагает свой план, прервал свое молчание:

— Вам нет нужды идти вперед, Райф. Я послал более быстрое сообщение.

Я забыл о том, что Регис был обученным опытным телепатом. Он добавил:

— Для таких посылов существуют некоторые ограничения в дальности, но на Дарковере существует регулярная сеть, и один из посредников — девушка, которая живет на самом краю терранской зоны. Если вы скажете, что именно ей необходимо передать… — он слегка покраснел и поясил. — Насколько я знаю терранцев, она

не оченьтто преуспеет, если просто подойдет к воротам и скажет, что должна кое-кому передать телепатическое сообщение. Не так ли?

Я улыбнулся при виде картины, которую он нарисовал в моем мозгу.

— Боюсь что нет, — признал я. — Велите ей пойти к доктору Форсу и передать сообщение от доктора Джейсона Элисона. — Регис с любопытством взглянул на меня — впервые я мог произнести свое имя среди остальных. Но он кивнул, не комментируя.

В течение следующего часа-другого он казался занятым сверх обычного, но некоторое время спустя подошел ко мне и сказал, что сообщение передано. Позже он передал ответ: самолет ждет нас, но не в Карфоне, а в небольшой деревне рядом с фортом Кадарин, где мы оставили свои грузовики.

Когда вечером мы разбивали лагерь, у нас была дюжина проблем, нуждавшихся в практическом решении: время и точное местонахождение форта, успокоение испуганных Следопытов, которые отважились покинуть лес, но не смогли заставить себя перейти через реку, посильная помощь больным. Но после того, как я сделал все от меня зависящее, после того, как наш лагерь утих, я при-

сел возле крошечного костерка и стал смотреть в него, мучительно усталый. Завтра мы перейдем через реку и несколькими часами позже будем в терранской штаб-квартире. А потом…

А потом — потом ничего. Я исчезну, я буду полностью лишен возможности существовать, разве что в качестве призрака, тревожащего Джея Элисона в сновидениях. Как только он вернется к холодной обыденности дней, я стану не более, чем шелестом ветерка, лопнувшим пузырем, растаявшим облаком.

Роза и шафран гаснущего огня придавали форму моим видениям. Вновь, как в Городе Следопытов, Кила скользнула ко мне мимо огня, я взглянул на нее и вдруг понял, что мне этого не вынести. Я притянул ее к себе и пробормотал: "О, Кила, я не смогу даже вспомнить о тебе!". Она оторвала мои руки и сказала настойчиво:

— Послушай, Джейсон. Мы рядом с Карфоном, другие могут довести отряд до цели. Зачем тебе возвращаться с ними? Давай уйдем и никогда больше не вернемся. Мы сможем… — она остановилась, отчаянно покраснев, затем ее покрыла внезапная бледность, и наконец, она произнесла шепотом, Дарковер — большой мир. Нам найдется, где спрятаться. Я не думаю, что будут искать

слишком далеко.

Они бы не стали искать. Я мог сказать Хендриксу — не Регису, телепат моментально мог бы меня разгадать — что отправляюсь в Картон с Килой. К тому времени, когда поймут, что я сбежал, они будут слишком заняты, обустраивая Следопытов в Терранской зоне. Как сказала Кила, этот мир велик. И я в нем не буду одинок.

— Кила, Кила, — сказал я беспомощно, и прижал ее целуя. Она закрыла глаза, и я долго глядел в ее лицо. Оно прекрасное, неженственное и смелое, и все остальное в ней было красиво. Это был взгляд прощания, и я знал это, если она не знала.

Вскоре она чуть отодвинулась и ровный голос был более плоским и невыразительным, чем обычно.

— Нам лучше уйти, пока остальные не проснулись, она увидела, что я не двигаюсь. — Джейсон…

Я не мог смотреть на нее. Приглушенно — из-за рук, прижатых к лицу, я сказал: — Нет, Кила. Я обещал Старому заботиться о своем народе в терранском мире.

— Ты не сможешь там заботиться о них. Ты не будешь собой!

Я сказал вяло:

— Я напишу письмо, чтобы напомнить себе. У Джея Элисона очень сильное чувство долга. Он позаботится о них. Ему это будет не по душе, но он это будет делать до последнего вздоха. Он лучше, чем я, Кила. Тебе надо забыть обо мне, — сказал я устало. — Меня никогда не было.

Это был не конец. Она умоляла, и я не знал, как смог пройти сквозь этот ад и не уступить. Но в конце концов она убежала, плача, и я вытянулся возле огня, проклиная Форса, собственную глупость, а более всего проклиная Джея Элисона, ненавидя свое "второе я" мучительной болезненной ненавистью.

Но перед рассветом я проснулся при отблесках огня, и в темноте вокруг моей шеи были руки Килы, тело ее было прижато к моему, сотрясаемое конвульсиями плача.

— Я не могу убедить себя, — плакала она. — И я не могу изменить тебе — и не стала бы, если бы могла. Но я могу, пока могу — я буду твоей.

Я прижал ее к себе. И на мгновение мой страх перед завтрашним днем, ненависть к человеку, который играл моей жизнью, были смыты сладостью ее рта, теплого и жадного. В свете умирающего дня, в отчаянии, зная, что я все забуду, я ее взял. Чьим бы я ни стал завтра, сегодня я

был ее.

И я понял теперь, что чувствует человек, когда любит в тени смерти хуже, чем смерти, потому что мне предстояло жить холодным призраком в себе самом, жить холодными днями и ночами. Время текло в жару и отчаянии — мы пытались уместить целую жизнь в несколько украденных часов. Но когда я посмотрел в мокрое лицо Килы в свете зарождающейся зари, моя горечь исчезла.

Я могу исчезнуть навсегда, стать призраком, ничем, быть унесенным ветром человеческой памяти. Но в этой последней гаснущей искре воспоминаний я буду навсегда благодарен, если призраки имеют благодарность, тем, кто вызвал меня из ниоткуда и дал познать это: дни борьбы и дружбы, чистые ветры гор, вновь дующие в лицо, последнее приключение, теплые губы женщины в моих руках.

За эти немногие дни я прожил больше, чем мог бы прожить Джей Элисон за все эти белые стерильные годы. Я прожил жизнь. Я не буду больше винить его.

На следующее утро, войдя в пределы небольшой деревни, где нас должен встречать самолет, мы обнаружили, что жилища полностью опустели: ни одна женщина не ходила по улица, ни

один мужчина не вышел на обочину, ни один ребенок не играл на пыльных площадках.

— Началось, — сухо сказал Регис и вышел из ряда, направляясь к дверям безмолвной хижины. Через минуту он позвал меня, и я заглянул внутрь.

Лучше бы я не делал этого. Картина могла свести с ума.

Там лежали старик, две молодые женщины и дюжина детей от четырех до пятнадцати лет. Старец, один из детей и молодая женщина были совершенно мертвы, лица по дарковерскому обычаю закрыты зелеными ветвями. Другая молодая женщина скорчилась у очага, платье ее было забрызгано смертельной рвотой. Дети… Даже теперь я не могу вспомнить об этих детях без стона. Один, очень маленький, был на руках женщины, когда она упала; позже он выполз на свободу. Остальные были в неописуемом состоянии, и самое худшее было, что один из них был еще жив и слабо шевелился. Регис слепо отвернулся от двери и прислонился к стене. Плечи его вздымались — нет, не от отвращения, понял я, от горя. Слезы текли по рукам и капали на землю, и когда я взял его за руку и отвел в сторону, он упал на меня.

Он произнес надломленным, убитым голосом:

— О Боги, Джейсон, эти дети. Если бы вы когда-либо сомневались в том, что делали, что делаете, подумайте о них, о том, что вы спасаете от этого целый мир, о том, что вы делаете то, что не под силу даже Хастурам.

Мое горло сжалось от чего-то иного, чем сочувствие.

— Лучше подождите, пока мы не выясним, могут ли терранцы справиться с этим, и уйдите от этой двери. У меня иммунитет, но у вас его нет.

Я должен был оттащить его, как ребенка, от дома. Он взглянул мне в лицо и сказал совершенно зловеще: — Не знаю поверите ли вы, но я отдал бы свою жизнь двенадцать раз, лишь бы этого не было.

Это было странное выражение благодарности. Но меня оно почему-то устроило. И затем, когда мы ехали через деревню, я потерялся или попытался потеряться в попытках успокоить следопытов, которые никогда не видели города на земле, не видели и не слышали самолета. Я избегал Килу.

Мне не хотелось последних слов прощаний. Мы с ней уже попрощались.

Форс провел замечательную работу по подготовке квартир для Следопытов и, после того, как

они были с удобствами размещены и успокоены, я опустился усталый и одетый в форму Джея Элисона. Я посмотрел в окно на далекие горы и на ряд книг о восхождениях, которые я в молодости покупал в чужом мире, а Джей при этом удерживал шальной осколок личности, который вступал в неистовый конфликт с моим разумом:

— Что-то спрятано — поди и разыщи" — Что-то потерялось за горами..." Я только начал жить. Разумеется, я заслуживал лучшей участи, нежели исчезновение после того, как открыл жизнь.

Можно ли человека, не знающего, как надо жить, вовсе лишать жизни? Джей Элксон, этот холодный человек, который никогда не заглядывал за горы должен ли я потеряться в нем?

Что-то потерялось за горами... Да нет, не что-то, потеряться мог лишь я сам. Я начал испытывать всепоглощающее чувство долга, которое привело меня сюда. Сейчас слишком поздно, и я горько сожалел — Кила предлагала мне жизнь. Конечно же, я никогда ее больше не увижу.

Стоит ли сожалеть о том, чего я уже никогда не вспомню? Я вошел в офис Форса, как если бы входил в свой дом.

Я был...

Форс тепло приветствовал меня.

— Сядьте и расскажите обо всем, — настаивал он.

Я бы предпочел не говорить, но вместо этого, повинуясь какому-то порыву, я сделал полный доклад. По ходу его непонятные вспышки озаряли сознание и гасли. К тому времени, когда я понял, что среагировал на постгипнотический приказ и сейчас вновь нахожусь под гипнозом, было слишком поздно, и я мог лишь думать, что это хуже, чем смерть, потому что в этом случае я жив.

Джей Элисон выпрямился в кресле и педантично застегнул манжетку, прежде чем сжать рот в некое подобие улыбки.

— Итак, я могу предполагать, что эксперимент увенчался успехом?

— Полным успехом, — голос Форса отчего-то был слегка хриплым и раздраженным, но Джея это не интересовало; за эти годы он усвоил, что большинство его начальников и подчиненных недолюбливает его, и давно уже перестал беспокоиться по этому поводу.

— Следопыты согласились?

— Согласились, — сказал Форс удивленно. — Вы разве помните что-то?

— Кусками. Обрывки кошмара, — Джей Элисон опустил взгляд на тыльную сторону кисти, сжав

заболевшие пальцы и прикоснулся к зудящему красному шраму. Форс проследил за направлением его взгляда и сказал не без симпатии: — Не беспокойтесь насчет руки, я ее как следует осмотрел. Она полиостью в порядке.

Джей сказал натянуто: — Похоже, в этом деле присутствовал очень серьезный риск. Не могли бы вы подумать о том, что это для меня значило, если бы я перестал ею владеть?

— Это был определенный риск, если он и был, — сухо сказал Форс. Джей, вся эта история записана на пленку, так, как вы мне ее рассказали. Хотите послушать, что сделало ваше "второе я"?

Джей помедлил. Затем он вытянул длинные ноги и встал:

— Нет, не думаю, что мне нужно это знать, — он помедлил, успокаивая подергивание болевшего мускула, и нахмурился. Что случилось, что могло случиться, отчего внутренняя боль кажется серьезнее, чем боль от разорванного нерва.

Форс следил за ним, и Джей спросил раздраженно: — В чем дело?

— Один черт, вы холодная рыба, Джей.

— Я не понимаю вас, сэр.

— И не поймете, — пробормотал Форс. — Смешно. Мне нравилась ваша подавленная личность.

Рот Джея растянулся в невеселую усмешку.

— Надо думать, — сказал он быстро и повернулся.

— Идите, если я соберусь заняться этим проектом, я обследую добровольцев и выделю доноров.

Но за окном были снежные гряды гор. Таинственные, они вновь привлекли его внимание. Непонятно, загадочно…

— Замечательно, — сказал он и пошел в свой кабинет.

Глава 8

Четырьмя месяцами позже Джей Элисон и Ронжелл Форс стояли рядом, глядя на последний из улетающих самолетов, которые уносили добровольцев в Карфон.

— не бы следовало полететь с ними в Карфон, — сказал Джей хмуро. Форс увидел, как долговязый мужчина смотрит на горы и подумал о том, что лежит за задержанными жестами и рассудочностью.

— Вы сделали достаточно, Джей, — сказал он. — Вы работали, как дьявол. Тармонт, Легат просил передать вам, что вы получаете официальные полномочия и содействие. Он даже не говорит о том, что вы сделали в Городе Следопытов, — он положил руку на плечо коллеге, но Джей раздраженно стряхнул ее.

В течение всей работы по выделению и изучению фракции крови Джей не знал усталости и отдыха; спал урывками, но держался; молчаливый, способный на внезапные вспышки ярости, но усердный, наблюдал он за Следопытами с самой отеческой заботой — но с некоторого рас-

стояния.

Он, что называется, не оставил ни одного вывороченного камня, обустраивая их жизнь, но отказывался от личных контактов с ними, если в этом не было крайней необходимости.

— Мы играем в опасную игру, — думал Форс. Джей Элисон имеет собственный подход к жизни, и мы нарушили этот баланс. Не покалечили ли мы его? Он дорог, но, черт побери, что за потеря! Так почему же вы не летите в Карфон вместе с ними? Хендрикс отправляется, вы не знаете. Он до последней минуты ждал, что вы пойдете.

Джей не ответил. Он избегал Хендрикса, единственного свидетеля его двуликости. После всех этих кошмаров выработалась мания избегать всех, кто знал его как Джейсона.

Однако, встретив Райфа Скотта на нижнем этаже Штабквартиры; он повернулся и побежал, как сумасшедший, по залам и коридорам, пробежал четыре лестничных пролета и нашел укрытие в своей комнате, при этом сердце колотилось и вздувались вены, как у преступника. Наконец он сказал: "Если вы меня вызвали, чтобы попенять за то, что я не желаю участвовать в очередном походе в Хеллеры..."

— Нет-нет, — ровно сказал Форс. — Пришел

посетитель. Регис Хастур прислал весточку, что он хочет повидать вас. Если вы его не помните, то он участвовал в проекте Джейсон…

— Помню, — мрачно сказал Джей. Это воспоминание было почти отчетливым: он сам на краю утеса, рука разрезана, обнаженное тело дарковерской женщины — и на фоне всего этого, расплывчато, лощеный дарковерский аристократ, вновь обративший его в Джейсона. Он лучший психиатр, чем вы, Форс. Он превратил меня в Джейсона, не успев моргнуть глазом, а вам потребовалась дюжина гипнотических сеансов.

— Я слышал о психическом могуществе Хастуров, — сказал Форс. — Но мне ни разу не удавалось кого-нибудь из них повстречать лично. Расскажите мне об этом. Что он делал?

Джей было раздраженно шевельнулся, но вновь взял контроль над собой.

— Может, и не встретитесь. Я не знаю, чем могу быть полезен.

— Боюсь, что вам придется с ним встретиться. На Дарковере никто не отказывается, когда Хастур просит — особенно, сети просьба такова, как эта.

Джей стукнул по полировке яростно сжатым кулаком, и когда он убрал кулак, на костяшках

было несколько капель крови. Минуту спустя он подошел к кушетке и сел, очень прямой и жесткий, ничего не сказав. Ни один из них более не заговорил, пока Форс не вздрогнул от звонка, обернулся к нему и сказал: — Скажите ему, что это для нас большая честь. Вы знаете порядок приветствия. И пригласите его сюда.

Джей сплел пальцы и провел большим пальцем (новый жест) по шраму на костяшках. Форс подумал, что молчание приобрело другое качество и хотел было прервать его, но тут дверь отъехала, и в проеме уже стоял Регис Хастур.

Форс вежливо поднялся, и Джей встал на ноги, как механическая кукла на пружинах. Молодой дарковерский правитель ободряюще смотрел на него.

— Не беспокойтесь, этот визит неофициальный, есть причина тому, что я пришел сюда сам, вместо того, чтобы пригласить вас в Башню. Доктор Форс? Рад видеть вас, сэр. Надеюсь, наши благодарности вскоре примут более ощутимые формы. После того, как вы выделили вакцину, никто не умер от лихорадки Следопытов.

Неподвижный Джей неприязненно смотрел, как старик тает от обаяния гостя. Костистое морщинистое лицо расплылось в улыбке, и Форс

сказал: Дары, посланные Следопытам от вашего имени, Лорд Хастур, были приняты с радостью.

— Не думаете ли вы, что кто-нибудь из нас способен забыть то, что они сделали? — ответил Регис. Он повернулся к окну и сочувственно улыбнулся человеку, который стоял возле него без движения с тех пор, как автоматически сделал жест приветствия.

— Доктор Элисон, вы помните меня?

— Я вас помню — мрачно сказал Джей Элисон.

Его голос тяжело повис в комнате, словно миазмы. Бессоница, кошмарные видения, концентрированная ненависть к Дарковеру и воспоминания, которые он хотел похоронить, взорвались всплеском горечи, неприязни к этому слишком уж старающемуся понравиться парню, который был полубогом в этом мире и который унизил его, превратив в ненавистного Джейсона. Для Джея Регис вдруг стал символом мира, который Ненавидел его, заставлял совершать противоестественные поступки. Казалось, комнату заполнил черный и скрипучий ветер.

Он сказал хрипло:

— Я помню вас очень хорошо, — и сделал порывистый яростный шаг.

Вес неожиданного удара заставил Региса раз-

вернуться, и в следующий миг Джей Элисон, который никогда не прикасался к другому человеку иначе, как руками целителя, сжал стальные, убийственные пальцы вокруг горла Хастура. Мир заволокло клокочущей ненавистью. Были выкрики, внезапный шум, и жаркая красная вспышка в мозгу.

— Выпейте вот это, — предложил Форс, и я понял, что верчу в руках бумажный стакан. Форс несколько устало сел, а я поднес стакан к губам и отпил. Регис убрал руку с горла и просипел: — Мне бы тоже, доктор.

Я отпил виски.

— Вам надо пить воду, пока не отойдут мускулы шеи, — сказал я, и, не задумываясь, опорожнил стакан и наполнил его для Региса. Вручив ему стакан, я вдруг в ужасе замер, и рука вздрогнула, пролив несколько капель. Я хрипло сказал: — Все равно пейте…

Регис тоже пролил несколько капель и сказал:

— Моя вина. Как только я увидел Джея Элисона, я понял, что он безумен. Мне надо было обуздать его сразу, но он взял меня внезапностью.

— Но… вы сказали — он. Ведь это же я — Джей Элисон! — сказал я, и тут мои колени ослабли, и я сел. — Что это, черт побери? Я не Джей, но я и

не Джейсон, и я…

Я мог вспомнить всю свою жизнь, но фокус был расплывчат. Я все еще мог чувствовать старую любовь, старую ностальгию к Следопытам, но знал также, что я доктор Элисон, причем с полной уверенностью. Тот самый врач, который прекратил ходить в горы и стал специалистом по паразитологии Дарковера. Не Джей, который отринул свой мир, но и не Джейсон, который был отринутым. Но кто тогда?

Регис сказал спокойно.

— Я встречался с вами прежде однажды. Когда выстояли на коленях перед Старым Следопытом. — Непонятно улыбнувшись, он сказал: — Как ничтожный суеверный дарковерец, я должен сказать, что вы были человеком, в котором уравновешены были и Бог, и дьявол одновременно.

Я беспомощно поглядел на молодого Хастура. Несколько секунд назад мои руки находились на его горле. Джей или Джейсон, сошедший с ума от ненависти к самому себе и ревности, мог оставить отвечать за свои поступки других.

Я не мог.

Регис сказал: — Нам надо найти легкий выход и сделать так, чтобы не видеть больше друг друга. Иначе все окажется не так просто. Он протянул

руку и, спустя минуту, я понял, что мы быстро пожали друг другу руки, как незнакомцы, которые только что встретились.

Он добавил:

— Ваша работа со Следопытами закончена, но мы, Хастуры, дали обещание научить некоторых терранцев нашей науке — матричной механике. Доктор Элисон, Джейсон, вы знаете Дарковер, и, я думаю, мы бы могли работать с вами. И вы кое-что знаете о шариках и винтиках в человеческих головах. Я хочу сказать, не согласились бы вы стать одним из этих ученых? Это было бы идеально.

Я взглянул в окно на далекие горы. Эта работа… пожалуй, это нечто, способное удовлетворить обе половины моего «я». Неодолимая сила, недвижимый объект — и ни одного призрака, блуждающего в мозгу.

— Я согласен, — сказал я Регису. И затем порывисто повернулся к нему спиной и отправился в квартиры, уже опустевшие, которые мы предоставляли Следопытам. Теперь, когда память была удвоена, а точнее восполнена, в мозгу просыпался новый призрак, и я вспомнил женщину, которая смутно показалась на орбите Джея Элисона, незамеченная работала со Следопытами, поскольку

могла говорить на их языке. Я открыл дверь и позвал: "Кила!" И она вбежала.

Растрепанная. Моя!

В следующий миг она отшатнулась от меня и прошептала:

— Ты Джейсон… но ты что-то большее. Иной.

— Я не знаю, кто я, — прошептал я, — но я — это я. Быть может, впервые. Поможешь мне в этом разобраться?

Я обнял ее, пытаясь найти тропинку между памятью и завтрашним днем. Всю свою жизнь я шел странной дорогой к неведомому горизонту. Теперь, достигнув горизонта, я понял, что это лишь граница неведомой страны.

И эту страну нам с Килой предстояло изучать вдвоем.

Разрушители мира Четырем женщинам, каждая из которых на свой лад проявляет свое собственное "чувство Удивления".